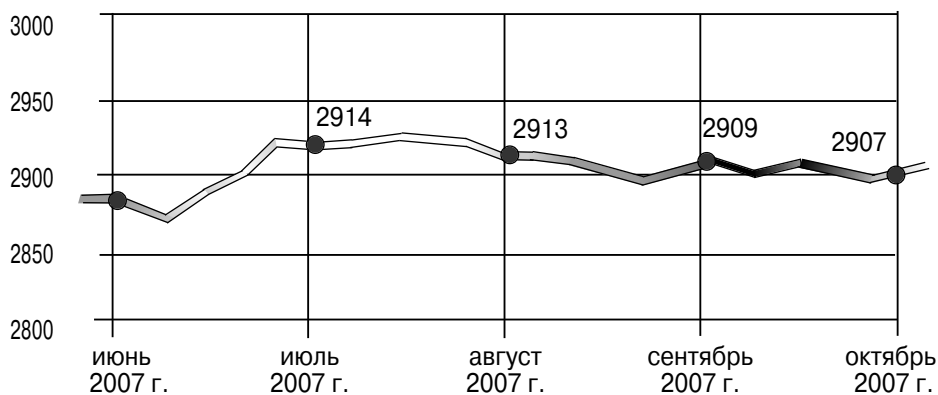

График 1. Индекс международной безопасности *iSi*
(июнь 2007 г. – октябрь 2007 г.)

- ➔ **ПОКАЗАТЕЛИ ИНДЕКСА *iSi* – УНИВЕРСАЛЬНОГО ИНДЕКСА
МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**
- ➔ **Юрий Федоров. ГЛАЗАМИ ЛИБЕРАЛА: «АНАРХИЯ ГОСПОДСТВУЕТ НАД
МИРОМ»**
- ➔ **Дмитрий Евстафьев. ГЛАЗАМИ КОНЕРВАТОРА: СУВЕРЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ –
ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ**
- ➔ **Мариан Абишева, Андрей Картунов, Рама Мани, Уильям Поттер, Абдулазиз
Сагер, Евгений Сатановский, Чжие Цзи, Константин Эггерт.
КОММЕНТАРИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКСПЕРТНОЙ ГРУППЫ ПРИ ПИР-ЦЕНТРЕ**

ПИР-Центр продолжает вычисление количественного показателя состояния безопасности в мире – **универсального индекса международной безопасности *iSi***. Напомним, что *iSi* (*international Security index*) показывает, насколько международная ситуация с точки зрения безопасности отличается от *идеальной* на каждый конкретный момент его определения. Идеальное состояние численно равно **4210** пунктам *iSi*. Чем ближе значение Индекса к этой цифре, тем безопаснее мир. И, наоборот, понижение Индекса говорит об ухудшении обстановки¹.

В *iSi* в концентрированной форме нашло свое отражение большое количество факторов, которые оказывают непосредственное влияние на международную безопасность. События в мире, которые, с нашей точки зрения, сказываются на состоянии международной безопасности, оцениваются по их масштабности, длительности воздействия на мировые процессы и пределам влияния на локальном, региональном и глобальном уровнях.

Выход результатов ежемесячного расчета *iSi* сопровождается опросом Международной экспертной группы, в которой представлены специалисты из России, Индии, Казахстана, КНР, Саудовской Аравии, США, Франции и других стран. Экспертные оценки, никак не влияя на вычисленную нами величину Индекса, позволяют проследить, как в различных регионах мира воспринимается изменение состояния безопасности.

Итак, в течение лета Индекс, несмотря на незначительные колебания (июнь – **2899**, июль – **2886**), в целом возрос до **2914** единиц к концу августа. Повышение было связано с традиционным летним затишьем в событиях международной политики; также появились некоторые позитивные моменты, такие как продвижение переговоров по корейской ядерной проблеме. Сентябрь продемонстрировал незначительное снижение до **2909** пунктов в конце месяца, в октябре тенденция сохранилась – **2907**, так как стало ясно, что часть ожиданий не оправдалась, и к существующим возрастающим угрозам добавились обострение конфликтов в Пакистане, на турецко-иракской границе, в Мьянме и других регионах.

Среди относительно новых факторов, оказавших существенное влияние на динамику Индекса, можно отметить следующие события.

- **Пакистан.** Продолжается обострившаяся в марте, после отстранения от должности верховного судьи Ифтихара Мухаммада Чаудри, политическая борьба между военными во главе с действующим президентом Первезом Мушаррафом, исламистами и оппозиционными *демократическими* силами бывших премьеров Беназир Бхутто и Наваза Шарифа. Кульминацией противостояния властей и исламистов стал штурм правительственными силами Красной мечети 10 июля. Прошедшие 6 октября выборы президента отнюдь не стабилизировали ситуацию. На фоне продолжающихся боев на границе с Афганистаном в стране регулярно происходят крупные теракты.
- **Иран.** Продолжает нагнетаться атмосфера вокруг ядерной программы Ирана, несмотря на его сотрудничество с МАГАТЭ. Ужесточилась позиция Франции, которая присоединилась к требованиям США и Великобритании о введении новых санкций. Встречи президента России В.В. Путина с лидерами Ирана во время визита на саммит глав прикаспийских государств еще раз подтвердили позицию России, придали большую уверенность Тегерану, но не повлияли на характер риторики Вашингтона, чьи представители несколько раз в середине октября назвали Иран основным источником угроз миру и безопасности.
- **Турция.** Внутриполитический кризис летом 2007 г., обострение вооруженного противостояния с курдскими боевиками на границе с Ираком в середине осени, а также охлаждение отношений Анкары и Вашингтона сделали ситуацию в Турции одним из основных факторов изменений Индекса. Летом нарастало противостоя-

ние между сторонниками светского государства и теми, кто настаивает на большей роли ислама в жизни страны. В конце сентября – начале октября накалилась обстановка на границе Турции и Ирака. Турецкая армия проводит операции по уничтожению курдских боевиков, регулярно нападающих на подразделения турецких солдат. Парламент Турции формально разрешил осуществление военных акций на севере Ирака.

- ❑ **Северная Корея.** Успешное завершение очередного раунда переговоров по ядерной программе КНДР и наметившийся прогресс в процессе межкорейского урегулирования стали основными *позитивными* факторами изменения Индекса: был разрешен вопрос о возврате Северной Корее ранее замороженных средств, в июле была приостановлена работа ядерного реактора в Йонбене; по результатам переговоров в Пекине в конце сентября Пхеньян пообещал до конца 2007 г. вывести из строя ядерные объекты.
- ❑ **Россия – США.** В начале лета Вашингтон и Москва попытались снизить накал риторики и вывести обсуждение вопросов размещения элементов системы ПРО в Чехии и Польше, а также других аспектов стратегической безопасности в более конструктивное русло. Хотя и без больших результатов, но российско-американский диалог продолжается на разных уровнях, в том числе в формате «два плюс два», что само по себе является фактором стабильности международной безопасности.
- ❑ Осложняется обстановка на **Ближнем Востоке**: не прекращается противостояние движений ФАТХ и ХАМАС. Знаком повышения военной опасности стал налет израильской авиации на объекты в Сирии. Несмотря на усилия Африканского Союза и ООН, продолжается война в **Дарфуре**. Безрезультатно идут переговоры по **Косово**. Выступления буддийских монахов и других групп населения против военной диктатуры в **Мьянме** пока не повлияли на безопасность в регионе, но в очередной раз продемонстрировали принципиальную разницу в подходах государств Запада, Китая и России к решению внутренних гуманитарных проблем отдельных стран. Не исключено, что события в Мьянме и реакция на них КНР, Индии, США и других игроков в регионе имеют и геополитический подтекст.
- ❑ Из процессов **на постсоветском пространстве** на Индексе положительно сказались укрепление структур безопасности в регионе (антитеррористические учения Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), разработка механизмов миротворчества и развитие военно-технического сотрудничества в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ)). Негативно на значении Индекса отразились очередной виток политической борьбы и возможная реконфигурация политических элит на Украине, а также продолжающееся ухудшение российско-грузинских отношений.

Подробную хронологию событий, повлиявших на значение Индекса *iSi*, см. в интернет-представительстве ПИР-Центра по адресу <http://isi.pircenter.org>

ГЛАЗАМИ ЛИБЕРАЛА: «АНАРХИЯ ГОСПОДСТВУЕТ НАД МИРОМ»

События середины 2007 г. еще раз подтвердили то, о чем уже несколько лет говорят и пишут аналитики: темпы и масштабы изменений, происходящих в системе международных отношений, нарастают. Формируется новая парадигма мировой политики, во многом отличная от той, что сложилась в первые годы после окончания холодной войны. Одни ее элементы обозначились достаточно ясно, характер и перспективы эволюции других определить пока трудно. Однако в целом глобальная неопределенность увеличивается, а способность *управлять* процессами, происходящими на мировой аре-

не, уменьшается. И международное сообщество как таковое, и наиболее мощные, ведущие державы оказываются не в состоянии остановить накопление негативных тенденций. Картина глобальной политики осенью 2007 г. вызывает в памяти строки ирландского поэта Уильяма Йитса: «Все рушится, у центра власти нет, анархия господствует над миром»².

УГРОЖАЮЩАЯ МУЛЬТИПОЛЯРНОСТЬ

Война в Ираке и последовавший за ней хаос в этой стране воспринимаются многими как своего рода конец однополярного мира. Предполагается также, что на смену ему приходит долгожданный многополярный мировой порядок, гораздо более стабильный, демократичный и безопасный. И действительно, сейчас нет ясности, в какой мере Соединенные Штаты готовы и далее играть роль глобального гаранта международной безопасности, которую Вашингтон взял на себя в начале прошлого десятилетия. В итоге возникают два вопроса: кто, кроме США, может взять на себя такого рода ответственность? И еще более важный: является ли многополярный мир безопасным и надежным?

Ни одна другая страна не обладает военным и военно-экономическим потенциалами, сопоставимыми с американскими. И, соответственно, если США (как, впрочем, любая иная держава) не в состоянии в одиночку пресечь опасные действия безответственных экстремистских сил и режимов, то совершенно естественным является обращение к международным институтам или к идее *концерта великих держав* как ключевым инструментам безопасности на мировой арене.

Надежды на ООН, появившиеся после холодной войны, не оправдались. Она оказалась неспособной выработать сколько-нибудь внятную и практически значимую позицию по наиболее острым вызовам международной безопасности, в частности, по иранской ядерной программе. «Группа восьми» выродилась в некое подобие Совета Безопасности ООН. Вместо формирования общих подходов к критическим экономическим и политическим проблемам, стоящим перед международным сообществом, ее саммиты сосредоточены на согласовании документов, не оказывающих сколько-нибудь заметного влияния на реальную политику.

На этом фоне тезис о необходимости формирования некоего *эффективного мультилатерализма*, нового *концерта*, иными словами, выработки и реализации ведущими державами единой стратегии обеспечения безопасности и содействия развитию стал расхожей банальностью. В принципе он совершенно обоснован. Не вызывает сомнений, что становящиеся все более острыми и опасными угрозы и вызовы международной безопасности требуют не только решительных, но и, что еще важнее, согласованных действий ведущих государств. Печально другое: призывы к такому сотрудничеству остаются благими пожеланиями.

В частности, сохраняются значительные расхождения между США и европейскими странами относительно источников угроз и, главное, методов противодействия им. Многие европейские политики и значительная часть общественного мнения убеждены в том, что готовность Соединенных Штатов применять военную силу оказывается главным источником если не всех, то большей части проблем и трудностей, с которыми сталкивается сегодня западный мир. *Мягкая сила*, стимулы вместо угроз, переговоры, взаимные компромиссы, вовлечение в совместные проекты, экономическая и гуманитарная помощь, содействие экономическим и политическим реформам, считают они, являются лучшим средством противодействия экстремистским силам.

Фактически европейское политическое мышление претерпело любопытную аберрацию: принципы и нормы, положенные в основу строительства объединенной Европы, были автоматически перенесены на всю систему международных отношений. «[...] Многие европейцы, – справедливо пишет Роберт Кейган, – в том числе находящиеся у власти, обычно применяют опыт Европы к остальному миру, причем подчас с евангельским рве-

нием неофитов»³. Иногда европейские подходы действительно срабатывают. Но мир в целом, к сожалению, мало похож на благополучную и политкорректную Европу. И нельзя забывать уроки истории. *Мягкая сила* оказывается беспомощной и бесполезной, когда цивилизованные и демократические страны сталкиваются с тоталитарными режимами или религиозными фанатиками, подобными тем, что правят сегодня Ираном или организуют террористические акты.

ОТ ОБЩЕГО К ЧАСТНОМУ

Международное сотрудничество, необходимое для эффективного противодействия угрозам и вызовам XXI в., серьезно осложняется растущей напряженностью в отношениях России с западными странами. И хотя говорить о новой холодной войне пока рано, ее возможность уже нельзя сбрасывать со счета. Во многом это следствие того, что в результате модернизационного отставания Россия находится между двух миров – *традиционного и постиндустриального*. Но в цивилизационном отношении Россия является неотъемлемой, хотя и весьма своеобразной частью иудео-христианской цивилизации, что предопределяет, но лишь в конечном итоге, ее место в назревающем противостоянии традиционализма и постмодерна.

Все острее встает и другой вопрос: является ли многополярный мир стабильным и безопасным? История дает на него ясный негативный ответ. Классическая многополярная система, ее часто именуют Вестфальской, существовала в Европе между серединой XVII и серединой XX вв. И на протяжении всего этого периода Европа была ареной жесточайших войн. Строго говоря, именно ликвидация многополярности и формирование жесткой биполярной системы позволили стабилизировать стратегическую ситуацию на европейском континенте и предотвратить там региональные и мировые войны.

Мариан Абишева (Казахстан), заместитель директора по науке Казахстанского института стратегических исследований при президенте Республики Казахстан – по телефону из Астаны: *Говоря о Казахстане, необходимо отметить два региона: евразийский, включающий и Россию, и Казахстан, и центральноазиатский. В первом случае важным негативным фактором является фактический отказ США от предложения России о совместном использовании радиолокационной станции. В Центральной Азии сложно определить ключевое событие, негативно повлиявшее на Индекс, однако есть два события, которые стали важными факторами укрепления региональной безопасности – это саммит ШОС в Бишкеке 16 августа и парламентские выборы в Казахстане 18 августа. Выборы в нашей стране показали соседям, как проводить такие мероприятия активно, но без потрясений и сохраняя стабильность.*

Сегодня многополярность воспроизводится на глобальном уровне. В частности, увеличивается роль Китая. Опираясь на возрастающую экономическую и военную мощь, Пекин настойчиво претендует на доминирующие позиции в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а в перспективе – в глобальном масштабе. Фактически, это еще раз подтвердил прошедший в октябре 2007 г. XVII съезд компартии Китая, единогласно, как и можно было ожидать, поддержавший и одобрявший политику высшего руководителя страны Ху Цзиньтао. Нельзя, разумеется, исключать того, что по мере своего возвышения и вовлечения в глобальные экономические и политические структуры и институты Китай займет умеренную и конструктивную позицию. Но гораздо более вероятной является перспектива того, что накопление экономической и военной мощи Китая при-

ведет к нарушению стратегического баланса в Азии и, следовательно, к серии конфликтов и войн, глобальные последствия которых могут быть катастрофическими. Вместе с тем в Китае сохраняются предпосылки острого политического и экономического кризиса в результате глубоких различий между относительно процветающими приморскими регионами, с одной стороны, и центральными и западными провинциями – с другой, социального неравенства, деградации окружающей среды и ряда других факторов.

Важно и другое. Мультиполярность XXI в. намного сложнее и опаснее, чем в прошлом. Спектр субъектов международной политики расширяется. Наряду с государствами растущую роль играют негосударственные действующие лица, многие из которых объединяются в разветвленные сетевые структуры. Среди них особое место занимают экстремистские исламистские организации и движения, объявившие *священную войну* иудео-христианской цивилизации и так называемым *умеренным* режимам в самом мусульманском мире. Полем ключевой битвы этой войны сегодня является Афганистан. Ее *метагазы* в виде террористических актов появляются в огромной географической зоне, охватывающей Европу и практически весь исламский ареал. Укрепляется представление о том, что, как писал один из ведущих политиков последней четверти XX в., бывший канцлер ФРГ Гельмут Шмидт, «глобальное столкновение между исламским и западным миром стало вполне реальным. [...] В некоторых регионах исламского мира мы наблюдаем смесь протеста против бедности в сочетании с ненавистью и завистью к роскоши западных стран, сопровождаемого религиозным террором и стремлением к политической власти»⁴. Но, возможно, дело не только в бедности и зависти к процветающим странам Запада. Есть все больше оснований предполагать, что *джихад XXI в.* – наиболее острое, но далеко не единственное проявление фундаментального противостояния традиционного и *постмодернистского* или *постиндустриального* миров. Реалистических рецептов, как снять это противостояние, нет. Следовательно, оно может приобрести намного более опасные и жесткие формы, в том числе трансформироваться в ядерную конфронтацию, например, в результате продвижения Ирана к ядерному оружию, что, как заявил в октябре 2007 г. президент США Джордж Буш, может привести к третьей мировой войне.

БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ ПОРОХОВАЯ БОЧКА

Влияние экстремистского ислама наиболее сильно в так называемом Большом Ближнем Востоке. Это – один из главных факторов глубоких изменений, на пороге которых находится сегодня его геополитическая карта. Их последствия трудно предсказуемы. На протяжении лета-осени 2007 г. он оставался, как и ранее, важнейшим и наиболее опасным средоточием мировой политики. В этом регионе, являющемся главным поставщиком нефти, географически близком к южной части Европы и связанным с ней многочисленными экономическими и политическими узами, продолжали накапливаться разнообразные конфликты и противоречия. Все они, так или иначе, концентрировались вокруг четырех основных проблем: Ирак, иранская ядерная программа и в более широком контексте усиливающее иранское влияние на Ближнем Востоке, палестино-израильский конфликт и Афганистан.

При этом и развитие событий в Ираке и Афганистане, и палестино-израильские проблемы оказываются все более вписаны в противостояние между Тегераном, с одной стороны, и Западом вкуче с *умеренными* арабскими режимами, с другой. Для того чтобы оказать эффективное политическое и экономическое или, если это не работает, военное давление на иранский режим и вынудить его остановить создание ядерного оружия, Западу, прежде всего США, важно сбросить с себя иракское бремя и снизить напряженность между Израилем и палестинцами. Тегеран, в свою очередь, стремится поддерживать остроту ситуации в Ливане и Афганистане, не допустить реального смягчения палестино-израильских отношений и вывода американских войск из Ирака.

ТРИ ИРАКА

К осени 2007 г. вполне ясно обозначилась перспектива распада Ирака на три государства – курдское, арабское суннитское и шиитское. США и другие государства-члены международной коалиции не могут сохранить военное присутствие в Ираке бесконечно долго. Но вывод американского контингента из Ирака практически неизбежно приведет к его фактическому расколу. Сегодня можно предположить: проблема заключается не в том, чтобы избежать такого раскола, – скорее всего, это попросту нереально – но в том, чтобы сделать процесс распада управляемым, не допустить эскалации кровопролития и усиления иранского влияния в населенных шиитами районах Ирака. Вопрос о том, удастся ли выработать соответствующий сценарий или нет, остается открытым.

Но у США другого более или менее приемлемого выхода из исключительно сложной иракской ситуации нет. При этом, если Вашингтон сумеет осуществить данный вариант относительно быстро, США смогут сосредоточить политические и военные ресурсы на решении иранской проблемы. Видимо, не случайно, объявляя в сентябре 2007 г. о выводе из Ирака к середине 2008 г. около 21 тыс. американских военнослужащих, президент Буш выразил неудовлетворение и темпами реформ в Ираке, и неспособностью иракских властей остановить межконфессиональные конфликты. Косвенным, но довольно весомым подтверждением неизбежности или, по крайней мере, высокой вероятности надвигающегося распада Ирака стало турецкое военное давление на Северный Ирак. Можно предположить, что таким образом турецкое руководство стремится предотвратить потенциальное присоединение к будущему курдскому государству населенных курдами районов Восточной Турции.

СРЕДИ ВРАГОВ СОГЛАСЬЯ НЕТ

Некоторые новые очертания приобрела проблема урегулирования палестино-израильского конфликта. Летом-осенью 2007 г. резко активизировались усилия американской дипломатии, направленные на его окончание. В частности, президент США Джордж Буш заявил, что урегулирование конфликта между Израилем и палестинцами является одной из основных внешнеполитических целей США, и предложил провести с этой целью международную конференцию, которая и состоялась 27 ноября 2007 г. в Аннаполисе (штат Мэриленд, США).

В последние месяцы имели место также контакты лидера Палестинской национальной администрации Махмуда Аббаса с премьер-министром Израиля Эхудом Ольмертом. В июле 2007 г. Ольмерт, как сообщала израильская пресса, дал согласие на создание палестинского государства на «большей части Западного берега и сектора Газа». Само по себе это не является сенсацией. Трудности урегулирования обусловлены не столько вопросом о том, должно ли быть создано палестинское государство, сколько глубокими противоречиями относительно границ этого государства, а также статуса Восточного Иерусалима и возможности возвращения палестинских беженцев в Израиль. Аббас и его сторонники пытаются в полной мере использовать заинтересованность США и европейских государств в урегулировании палестино-израильского конфликта и выторговать у Израиля принципиальные уступки. В конечном итоге, в результате настойчивых усилий со стороны США лидеры Палестинской администрации согласились участвовать в конференции практически без предварительных условий. ХАМАС, конечно же, ее проигнорировал.

Но это лишь одна сторона дела. Намного важнее, что летом 2007 г. фактически завершился распад палестинского движения на два глубоко враждебных друг другу лагеря. Во главе одного из них, захватившего в июне 2007 г. сектор Газа, стоит проиранское экстремистское движение ХАМАС. Другой, ведущей силой которого является ФАТХ, руководимый наследником Ясира Арафата Махмудом Аббасом, удерживает в своих руках власть над управляемыми палестинской администрацией территориями на западном берегу реки Иордан. С одной стороны, раскол палестинского движе-

ния вызван причинами политико-идеологического характера. ХАМАС, действующий во многом по инструкциям из Тегерана, отвергает идею примирения с Израилем. ФАТХ, в свою очередь, занимает более мягкие позиции и готов к мирному урегулированию с Израилем, разумеется, на своих позициях. С другой, – ФАТХ и ХАМАС конкурируют за контроль над немалыми финансовыми ресурсами, поступающими Палестинской национальной администрации в виде гуманитарной и иной помощи из-за рубежа, и другими доходами, часть которых имеет криминальное происхождение. Столкновение ФАТХ и ХАМАС, по сути дела, перекрывает перспективу урегулирования конфликта, что отвечает интересам Ирана и других экстремистских сил в исламском мире.

ЯДЕРНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ

При всей своей остроте ни ситуация в Ираке, ни палестино-израильское противостояние вряд ли могут привести к международному конфликту, выходящему за пределы Ближнего Востока. Иначе складывается обстановка вокруг иранской ядерной программы. Упорное стремление иранского режима приобрести ядерное оружие и неспособность международного сообщества остановить Тегеран политическими и экономическими мерами, в том числе ввести эффективные санкции, все яснее обозначает исключительно тяжелую дилемму: либо военное решение этой проблемы со всеми вытекающими из этого труднопредсказуемыми последствиями, либо смириться с тем, что экстремистский агрессивный режим будет располагать ядерным оружием. Последнее может оказаться еще более опасным, чем упреждающая военная акция против Ирана. Ядерный Иран представляет собой экзистенциальную угрозу для Израиля, с чем последний никогда не смирится. В итоге перспектива ядерной войны на Ближнем Востоке обретает зловещую реальность.

 Андрей Кортунов (Россия), президент фонда «Новая Евразия» – по телефону из Москвы: *Для нашего региона основным событием, негативно влияющим на климат безопасности, стали результаты прошедших выборов и изменение расстановки политических сил на Украине. Здесь можно говорить не только о геополитических вопросах, но и о транзите российского газа через территорию Украины в Европу. События на Украине могут затронуть процессы на территории СНГ в целом. К положительным факторам можно отнести последние внутривнутриполитические события в России. Президент Путин показал, что не собирается уходить из политики, что может стать гарантией преемственности и последовательности российской внешней политики.*

Летом-осенью 2007 г. Тегеран, как и ранее, самым вызывающим образом игнорировал требования международного сообщества. Президент Ахмадинежад предельно ясно продемонстрировал отношение иранского руководства к ООН, ее Совету Безопасности и его постоянным членам. «Ведущие мировые державы, – сказал он, – думали, что с каждой резолюцией [СБ ООН. – Ю.Ф.] иранский народ будет отступать. Но после каждой резолюции иранский народ добивался новых ядерных достижений». И действительно, по словам иранского лидера, Иран имеет более 3000 центрифуг, «и каждую неделю устанавливаются новые». Этого количества, если, разумеется, все они будут работать надлежащим образом, достаточно для того, чтобы в течение года произвести высокообогащенный уран для одного ядерного боеприпаса.

МАГАТЭ, впрочем, предполагает, что Махмуд Ахмадинежад несколько завысил количество имеющихся у Ирана центрифуг. Однако в опубликованном в конце августа 2007 г. докладе генерального директора этой организации

приводятся весьма тревожные сведения. Там, в частности, говорится: «По состоянию на 19 августа 2007 г., в эксплуатации находились одновременно 12 164-центрифужных каскадов, в которые подавался UF_6 , еще 1 каскад эксплуатировался без подачи UF_6 , 1 каскад проходил вакуумные испытания и еще 2 находились в стадии сооружения. [...] Спутниковые изображения указывают на то, что эксплуатация установки по производству тяжелой воды также продолжается. [...] Вопреки решениям Совета Безопасности Иран не приостановил деятельность, связанную с обогащением, продолжил эксплуатацию ЭУОТ [экспериментальной установки по обогащению топлива, – Ю.Ф.], а также сооружение и эксплуатацию УОТ [установки по обогащению топлива, – Ю.Ф.]. [...] Иран продолжает также сооружение реактора IR-40 и эксплуатацию установки по производству тяжелой воды»⁵.

ЛОГИКА СОБЫТИЙ

Дестабилизирующее влияние Ирана все сильнее проявляется в Афганистане. Наряду с Пакистаном Иран стал крупным каналом поставки талибам и другим экстремистским организациям оружия и взрывных устройств, используемых для террористических актов. Через Иран в Афганистан проникают исламские боевики из Ирака. Логика иранской позиции вполне прозрачна – чем глубже США и их основные союзники увязнут в Афганистане, тем меньше возможностей для осуществления Западом жесткой линии в отношении Ирана. В целом же ситуация в Афганистане оптимизма не вызывает. Летом 2007 г. произошла заметная активизация отрядов талибов. Зона боевых действий и массированных террористических актов расширяется, охватывая все новые районы на востоке страны. Выступления боевиков отмечались уже и в северных районах, которые всегда считались лояльными кабульским властям и Северному альянсу. Есть все больше оснований полагать, что стратегия талибов заключается в постепенном окружении Кабула и *выдавливании* из Афганистана войск международной коалиции. Последние могут предотвратить победу исламистов, но не в состоянии нанести им решающее поражение. Главный источник стратегической неопределенности в Афганистане состоит в том, что, подобно тому как это складывается в Ираке, западные вооруженные силы не могут находиться там бесконечно долго. Но в отличие от Ирака, вывод иностранных войск из Афганистана приведет не к расколу страны, а к приходу талибов к власти.

Ирак, Афганистан, иранская ядерная проблема и палестино-израильский конфликт – наиболее значимые, но далеко не единственные очаги напряженности и насилия в зоне Большого Ближнего Востока. Их дополняют фактический распад ливанской государственности под давлением террористической группировки «Хизбалла», рост исламского экстремизма в Пакистане, в том числе в армии и правоохранительных органах, перспективы нестабильности в Иордании в результате накопления там беженцев из Ирака и в государствах Персидского залива, где увеличивается численность шиитского населения. Скорее рано, чем поздно, весь этот клубок туго переплетенных проблем может привести к тяжелой дестабилизации всего региона, играющего хорошо известную роль в мировом энергетическом балансе. Особую тревогу вызывает неспособность ведущих держав выйти за пределы не оправдавших себя стратегических установок и тактических приемов, с тем чтобы переломить опасные тренды. Есть все основания считать, что ключевую роль в стабилизации ситуации в этом районе мира должно сыграть обуздание нынешнего экстремистского режима в Иране. Это практически сразу подорвет влияние ХАМАС, «Хизбаллы» и воинствующих шиитских группировок в Ираке, оставит Сирию один на один с Израилем, будет содействовать оздоровлению обстановки в Афганистане. И наконец, чем дольше международное сообщество будет заигрывать с Тегераном, тем больше вероятности, что Иран вплотную подойдет к обретению ядерного оружия, что практически неизбежно приведет к военной операции со всеми ее малоприятными последствиями.

РОССИЯ И ЗАПАД: ВПЕРЕД В ПРОШЛОЕ

Середина 2007 г. ознаменовалась существенным осложнением отношений России с США и некоторыми другими ведущими западными странами. Мировые масс-медиа заговорили о наступлении *второй холодной войны*. Как представляется, пока для этого оснований нет, но если наметившаяся тенденция не будет остановлена, то новый период военно-политической конфронтации может оказаться неизбежным.

Действительно, острые противоречия возникли между Россией и США, которых поддерживали некоторые из их союзников, относительно развертывания третьего позиционного района ПРО в Польше и Чешской Республике. Возобновлены регулярные вылеты российской стратегической авиации на боевое дежурство. Москва объявила о *моратории* на выполнение Договора об обычных вооруженных силах в Европе. Время от времени говорится о возможном выходе России из Договора по ракетам средней и меньшей дальности. Российский посол в Белоруссии весьма прозрачно намекнул на перспективу размещения российского ядерного оружия в Белоруссии. Поскольку после этого он остался на своей должности, то эта идея не была плодом его собственных изысканий в стратегической области. Россия заняла крайне жесткую негативную позицию относительно независимости Косово и не склонна поддержать ужесточение санкций против Тегерана, на которых настаивает большинство западных государств. Каждый из этих моментов может иметь и, скорее всего, имеет свое собственное объяснение. Но взятые в совокупности они обозначают определенную внешнеполитическую линию.

Это впечатление подкрепляется высказываниями высокопоставленных чиновников. Так, выступая в МГИМО в самом начале сентября 2007 г., министр иностранных дел Сергей Лавров провозгласил: «Как и на любом этапе своего развития, мир вновь нуждается в равновесии. В современных условиях равновесие является неотъемлемым элементом стратегической стабильности, которая исключает искушение у одной из сторон применить ядерное оружие для достижения своих внешнеполитических целей. Достаточно вспомнить, что, когда равновесие было нарушено в 1959 г. размещением американских ядерных ракет *Тор* на территории Турции, Москва ответила дислокацией своих ракет на Кубе. Найденная в итоге формула урегулирования Карибского кризиса убедительно говорит именно о такой причинно-следственной связи тех событий»⁶. Такого рода пассажи вызывают оторопь. Ведь, по сути дела, министр иностранных дел России во всеуслышание заявил, что опаснейшая внешнеполитическая авантюра Хрущева, поставившая, как это признано практически всеми специалистами, мир на самую грань ядерной войны, позволила-де *восстановить равновесие*. При этом руководитель МИДа, которому по должности полагается разбираться в истории международных отношений, не учел, что после вывода ракет средней дальности из Турции США резко увеличили темпы развертывания своих межконтинентальных ракет, и биполярное стратегическое равновесие было не восстановлено, но установлено только в конце 1960-х гг. Возникает вопрос: что именно и где конкретно г-н Лавров собирается развернуть, чтобы сегодня восстановить стратегическое равновесие?

Как представляется, нет необходимости здесь еще раз воспроизводить различные оценки того, нарушает ли развертывание американской ПРО в Польше и Чешской Республике военное равновесие между США и Россией. Хотелось бы отослать читателя к хорошо аргументированной и взвешенной статье В.З. Дворкина, Джорджа Льюиса, П.Л. Подвига и Теодора Постола, опубликованной в сентябре 2007 г. в *Независимом Военном Обзрении*⁷. Немало написано и о том, что адаптированный Договор об обычных вооруженных силах в Европе выгоден прежде всего России, поскольку он самым существенным образом ограничивает возможности развертывания крупных группировок войск на российских западных границах, а единственная причина, почему страны НАТО откладывают его ратификацию, – сохранение российского контингента на территории Молдовы. Главный вопрос все же в другом: как могут развиваться события, если нынешняя линия России не будет пересмотрена?

ПАРАМЕТРЫ ПОХОЛОДАНИЯ

Пока ведущие государства Запада сравнительно спокойно реагируют на изменения во внешней политике России. Для этого есть свои причины. Запад заинтересован в российской поддержке в политическом урегулировании иранской ядерной проблемы, хотел бы сохранить позитивное взаимодействие с Россией по Афганистану и так далее. Да и в целом *новая холодная война* никоим образом не отвечает интересам США и государств-членов НАТО, озабоченных опасным развитием событий на Ближнем Востоке, трудностями в Афганистане и нарастанием экстремистских тенденций в исламском мире. Но рано или поздно развитие событий может выйти из-под контроля и в конечном итоге привести к военно-политической конфронтации. Ситуация осложняется тем, что главный и единственный военный ресурс России в потенциальном противостоянии с США и НАТО – ядерное оружие. Но усиление ядерной компоненты этого противостояния представляет собой экзистенциальную угрозу для европейских государств и даже для Соединенных Штатов. Соответственно, они будут реагировать на российские шаги в ядерной области, наращивая собственный ядерный и конвенциональный потенциал. А это, скорее всего, запустит гонку вооружений по принципу *действие–противодействие*, а значит, и политическую конфронтацию.

Результат *второй холодной войны* будет для России катастрофическим. Прежде всего, соотношение военных сил определяется сегодня и в еще большей степени будет определяться в будущем уровнем развития и освоения высоких технологий. Между тем уже в середине 1980-х гг. обозначилось серьезное отставание бывшего СССР от США по большинству ключевых военных технологий. С тех пор это отставание заметно увеличилось, в том числе в результате превращения России в *petro-state*. Огромный приток нефтедолларов в нынешнем десятилетии, позволивший преодолеть тяжелейший экономический кризис 1990-х гг., одновременно предопределил приоритетность инвестиций в нефтегазовый сектор (и другие экспортные предприятия), связанные с ними отрасли промышленности и сферу услуг. В то же время капиталовложения в высокотехнологичные производства, в том числе военного и двойного назначения, оказались в большинстве своем сравнительно нерентабельными. Изменение этой экономической парадигмы – крайне сложная задача, требующая длительного времени и, скорее всего, принципиального усиления государственного регулирования экономики. По сути дела, речь идет о переходе к экономике мобилизационного типа и соответствующим изменениям в политической системе. Излишне, видимо, говорить, что это вызовет серьезное сопротивление со стороны тех групп элиты и общества, которые связаны с экспортно-ориентированным сегментом экономики. Итогом будет внутривнутриполитический кризис, который, естественно, ослабит внешнеполитические потенции страны.

Первая холодная война имела глобальный характер. В результате, за исключением афганской войны, основные ее сражения разыгрывались на значительном удалении от советских границ: во Вьетнаме, в Африке, Центральной Америке. Советское участие в них ограничивалось, как правило, поставками вооружений и посылкой военных советников, тогда как от США локальные конфликты и войны требовали намного больших политических и в ряде случаев и военных ресурсов. *Вторая холодная война* будет вестись прежде всего на постсоветском пространстве, в непосредственной близости от российских границ. Уже одно это делает ее существенно более болезненной для России, чем для Запада. При этом подлинных союзников среди новых независимых государств у России нет и не будет. В частности, государства-члены ОДКБ, некоего слабого подобия военно-политического союза, заинтересованы, безусловно, в получении от России вооружений и военной техники по внутривнутрироссийским ценам и в российской военной поддержке для нейтрализации внешних угроз или подавлении волнений внутри соответствующих стран. Однако ни одно из них не окажет, да и не сможет, если паче чаяния захочет, оказать сколько-нибудь значимую поддержку России в случае серьезного обострения противоречий с Западом.

Наконец, Советский Союз проиграл *первую холодную войну* и распался в значительной мере потому, что не выдержал экономического бремени гонки вооружений. Российская экономика по своим масштабам значительно уступает советской, следовательно, на-

грузка на нее военных программ, предназначенных для противодействия Западу, будет значительно большей, чем это имело место в СССР. На практике это означает, что для ведения *второй холодной войны* России потребуется свернуть практически все социальные программы, заметно снизить уровень жизни населения и перенаправить основные ресурсы в военную промышленность и науку. Очевидным результатом будет резкий рост недовольства населения, в первую очередь нового среднего класса, успешного после распада СССР привыкнуть к относительно обеспеченному и комфортабельному образу жизни.

И последнее, но, возможно, самое главное. *Первая холодная война* была не просто столкновением двух сверхдержав, конкурирующих за ресурсы или влияние на международной арене, но результатом утверждения в России и распространения в других странах тоталитарной марксистской идеологии, оказавшейся способной привлечь, хотя и на раннем этапе, миллионы сторонников, выдвинувшей привлекательную, хотя и эфемерную цель достижения всеобщего счастья и процветания. Особенностью левозкстремистской версии марксизма, как, впрочем, каждой идеологии тоталитарного толка, является убежденность в том, что она обладает абсолютной истиной, а конечная цель оправдывает любые средства ее достижения. В постсоветской России нет и, скорее всего, не возникнет идеологической системы, могущей заставить основную массу населения пожертвовать собственным благополучием во имя заманчивых, но глубоко иллюзорных идей. Это дает основания надеяться, что нынешняя напряженность между Россией и Западом имеет временный характер. Но оснований предполагать, что она завершится в ближайшее время, пока нет.

КИТАЙСКИЙ ФАКТОР

Вопрос о том, превратится ли Китай в фактор стабильности или трансформируется в крупнейшую угрозу международной безопасности, исключительно важен. Ответа на него пока нет, но некоторые небезынттересные выводы могут быть сделаны на основе анализа российско-китайских отношений.

Военные учения «Мирная миссия-2007», проведенные летом 2007 г. странами ШОС, и подписание Меморандума о взаимопонимании между секретариатами ШОС и ОДКБ в октябре 2007 г. были интерпретированы российской и зарубежной прессой как практическое движение к формированию антизападного союза, сердцевиной которого является российско-китайское военно-политическое сотрудничество. Это в очередной раз привлекло внимание к перспективам российско-китайских отношений. Последние, в свою очередь, могут оказаться полезными для понимания долгосрочной китайской стратегии в целом.

В этой связи безусловный интерес вызывает опубликованная в прошлом номере *Индекса Безопасности* полемика двух ведущих российских экспертов – Дмитрия Тренина и Виталия Цигичко. И тот, и другой отвергли идею стратегического союза России и Китая как нереалистичную, но разошлись во мнениях по другому ключевому вопросу – представляет ли Китай стратегическую угрозу для России. В частности, Виталий Цигичко обратил особое внимание на недавно состоявшиеся крупномасштабные учения двух северных китайских военных округов – Шеньянского и Пекинского, предназначенных для ведения военных действий против бывшего СССР, а после 1991 г. – против России. По его мнению, «новая Срединная империя не гнушается никакими средствами для достижения своих гегемонистских целей и по мере усиления своей мощи действует все нахрапистей»⁸. Дмитрий Тренин, в свою очередь, убежден в том, что китайская экспансия «не будет носить преимущественно территориальный характер и не будет осуществляться в основном военно-политическими средствами»⁹.

Подход Цигичко к анализу долгосрочных целей и намерений Пекина представляется весьма плодотворным. Действительно, военное строительство в Китае, как в ряде других крупных стран, имеющих и реализующих долгосрочные стратегические концепции,

 Рама Мани (Индия), исполнительный директор Международного центра этнических исследований – по телефону из Коломбо: *Я согласна с уменьшением значения Индекса, однако снижение могло бы быть более существенным. Тенденции лета, угрожающие безопасности, проявились в сентябре, и такое положение сохранится в октябре. Ситуация в Мьянме имеет наибольшее воздействие на регион. Хотя выступления в Мьянме и являются фактором снижения безопасности, тот факт, что события в такой стране могут привлечь такое внимание и поддержку со стороны СМИ в регионе и во всем мире является очень хорошим знаком. В этом смысле ситуация в Мьянме дала положительный импульс всей Азии.*

отражает подлинные представления правящих кругов о характере будущих войн и конфликтов, соответственно, об угрозах национальной безопасности этих государств и тех целях, которые они собираются реализовать посредством применения военной силы.

В этой связи большой интерес представляет опубликованная китайским правительством в Пекине год назад так называемая Белая книга «Китайская национальная оборона в 2006 г.». В ней, в частности, были ясно обозначены направления развития и модернизации китайских сухопутных сил. Они, как отмечается в Белой книге, должны перейти от «региональной обороны к трансрегиональной мобильности, улучшить способность к проведению интегрированных воздушно-наземных операций, переброскам на дальние расстояния, быстрым наступательным действиям и специальными операциям»¹⁰. Фактически это означает, что китайское политическое руководство и военное командование готовятся к проведению в будущем крупных наступательных операций,

именно это, видимо, имеется в виду под переходом «от региональной обороны к трансрегиональной мобильности», и, следовательно, к крупным региональным войнам, помимо возможной войны за освобождение Тайваня. Последняя требует не столько мощных сухопутных сил, сколько способностей к осуществлению массированных десантных операций и завоевания господства на море и в воздухе.

Заинтересованность Пекина в создании, например, мощных военно-морских сил и морской авиации понятна. Зависимость китайской экономики от морских коммуникаций, прежде всего поставок нефти из Ближнего Востока и Африки, весьма велика и будет усиливаться. Следовательно, вполне разумно было бы иметь военный флот, способный обеспечить безопасность морских перевозок. Но крупные локальные и региональные войны и конфликты вдоль сухопутных границ Китая вряд ли могут быть инициированы соседними с Китаем государствами. Ни одно из них, включая Россию, не имеет реальных возможностей осуществить массированное вторжение на китайскую территорию. В одних случаях этому мешает отсутствие необходимых вооруженных сил, в других – горный пейзаж, характерный, например, для районов вдоль индийско-китайской границы, или тропические джунгли, мало подходящие для крупных операций сухопутных войск. Перспектива высадки американского или японского десанта в приморских районах Китая абсолютно фантастична. Поэтому подготовка к ведению региональных войн на континентальных театрах, а именно для этого Китаю нужны мощные сухопутные силы, свидетельствует, скорее всего, о долгосрочных экспансионистских намерениях китайского руководства в отношении России, Средней Азии или Корейского полуострова.

Этот вывод подкрепляется тем обстоятельством, что несмотря на нормализацию российско-китайских отношений и официально провозглашенное *стратегическое партнерство* двух стран, Китай сохраняет в двух северных военных округах – Пекинском и Шенянском, предназначенных для боевых действий против России, – мощные сухопутные войска, насчитывающие в общей сложности 550 тыс. солдат и офицеров, тогда как рос-

сийские вооруженные силы, развернутые в Дальневосточном и Сибирском военных округах, имеют, по западным оценкам, около 123 тыс. военнослужащих¹¹. Возникает вопрос – с какой целью китайское руководство сохраняет в северной части страны войска, более чем в четыре раза превосходящие по численности российские силы, тратя на это значительные средства военного бюджета, если оно не готовится к конфликтам и войнам в прилегающих к северным китайским границам регионам?

Примечательно также создание в китайских сухопутных войсках, в том числе в северо-западном Ланчжоуском военном округе, так называемых *тяжелых механизированных корпусов*¹², аналогичных по своим задачам оперативно-маневренным группам, создававшимся в 1980-е гг. в Группе советских войск в Германии для стремительного прорыва фронта и действий в тылу войск НАТО. По оценкам зарубежных военных специалистов, такие корпуса нацелены прежде всего на страны Центральной Азии. В частности, австралийский военный аналитик Мартин Эндрю пишет: «Будучи слишком тяжелыми для десантных операций против Тайваня или для действий в тропических районах, эти корпуса предназначены для обеспечения китайской энергетической безопасности. Эти силы, используя Синьцзян в качестве плацдарма для наступления, могут быстро преодолеть оборону любой центральноазиатской страны и захватить соответствующие нефтяные месторождения»¹³.

Такого рода намерения представляют собой очевидную угрозу российским интересам, особенно в свете весьма вероятного соперничества России и Китая за энергетические, прежде всего газовые, ресурсы Центральной Азии. В России, как считают многие специалисты, намечается существенное падение добычи газа. Причин тому несколько: истощение основных используемых сегодня месторождений Западной Сибири, недостаточное инвестирование в освоение новых, отсутствие технологий, необходимых для освоения ресурсов Ямала и морского шельфа, и некоторые другие. В итоге импорт газа из Центральной Азии, прежде всего из Туркмении, является одним из ключевых факторов выполнения Россией экспортных обязательств и удовлетворения внутреннего спроса.

Китай, в свою очередь, активно проникает в Центральную Азию, претендуя на значительную часть газовых ресурсов региона. Так, в начале осени 2007 г. началось строительство газопровода из Туркмении в Синьцзян, по которому к середине будущего десятилетия должно перекачиваться 30 млрд м³ газа в год. Недавно Китай заключил соглашение с Казахстаном о закупке газа в этой стране, причем в конечном итоге поставки казахстанского газа китайским потребителям должны также составить 30 млрд м³ в год. Появились сообщения о заключении или подготовке аналогичного соглашения между Китаем и Узбекистаном. Если эти проекты будут реализованы, то, как нетрудно подсчитать, Китай может импортировать из Центральной Азии от 60 до 90 млрд м³ газа ежегодно. Между тем Россия намерена получать только из Туркмении около 80 млрд м³ газа. Однако экспортный потенциал Центральной Азии, скорее всего, недостаточен для того, чтобы удовлетворить потребности России и Китая. При этом нужно учитывать, хотя и небольшие, поставки туркменского газа в Иран и растущий интерес к центральноазиатскому газу европейских государств.

Но дело не только в том, что Китай выступает соперником России в конкуренции за энергоресурсы Центральной Азии. Недовольство России может вызывать и тот факт, что, строя и планируя строить экспортные газопроводы, идущие из Центральной Азии, Китай подрывает монополию России на транзит центральноазиатского газа, которая является важнейшим, а в ряде случаев – единственным рычагом политического влияния Москвы в регионе.

ШАНХАЙСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОПЕРНИЧЕСТВА

Показательным для российско-китайских отношений моментом является Меморандум о взаимопонимании между секретариатами ШОС и ОДКБ, подписанный в начале октября

2007 г. На протяжении длительного времени Москва добивалась установления более или менее эффективного сотрудничества этих двух организаций. Пекин, в свою очередь, всеми доступными способами тормозил подписание каких-либо соглашений такого рода. Причина состояла в том, что в Уставе ОДКБ есть статья о взаимопомощи в случае агрессии против какого-либо из членов ОДКБ, а ни в одном из документов ШОС таких обязательств нет. Китай категорически отвергает любой намек на собственную вовлеченность в конфликтные ситуации между Россией или другими членами ОДКБ, с одной стороны, и западными государствами, с другой.

Имея это в виду, многие российские, а за ними и некоторые западные средства массовой информации интерпретировали подписание указанного Меморандума как принципиальный сдвиг в отношениях между двумя организациями. Но оснований для этого нет. Во-первых, в нем речь идет об отношениях между секретариатами ШОС и ОДКБ, то есть во многом техническими органами, предназначенными обеспечивать функционирование этих организаций, но не определять их политическую стратегию. А во-вторых, фактически этот документ представляет собой декларацию о намерениях, в которой нет ни слова о каких-либо взаимных обязательствах. Действительно, удалось определить области сотрудничества двух секретариатов: обеспечение региональной и международной безопасности и стабильности; противодействие терроризму; борьба с незаконным оборотом наркотиков; пресечение незаконного оборота оружия; противодействие организованной транснациональной преступности; другие направления, представляющие взаимный интерес. Это на самом деле исключительно важные проблемы. Но сотрудничество сводится к консультациям и обмену информацией, а также разработке «программ и мероприятий в целях развития сотрудничества в сферах, относящихся к их [то есть соответствующих секретариатов. – Ю.Ф.] компетенции». Последняя формулировка весьма важна, поскольку компетенция секретариатов ШОС и ОДКБ невелика.

Все это свидетельствует о том, что российско-китайское *стратегическое партнерство* имеет скорее тактический, чем стратегический характер, и может выродиться если не в вооруженное противостояние, то, как минимум, в существенную напряженность, спусковым механизмом которой может стать, например, соперничество в Центральной Азии. Но напрашивается и более существенный вывод. Стратегия Китая в отношении России – один из элементов глобальной стратегической линии Пекина. И если в отношении страны, являющейся пусть не союзником, но партнером, китайское руководство планирует наступательные операции и не склонно считаться с ее интересами, то какими могут быть действия Китая в отношении стран, считающихся его потенциальными противниками или, по крайней мере, соперниками?

НОВЫЙ ИГРОК НА ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЙ СЦЕНЕ

На первый взгляд, южная окраина бывшего Советского Союза, Центральная Азия и Южный Кавказ, остается на дальней периферии мировой политики. На самом же деле стратегическая роль этих регионов заметно возрастает. Они примыкают к двум наиболее болезненным узлам нынешних международных отношений – иранскому и афганскому, вызывают все больший интерес как источники энергоресурсов и районы, по которым проходят или будут проходить коммуникации, связывающие запад и восток евразийского континента.

Летом и осенью 2007 г. события в Центральной Азии развивались в основной своей массе по привычным сценариям. Президент Узбекистана Ислам Каримов готовился к избранию на очередной срок подавляющим большинством голосов. Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев благополучно утвердил себя пожизненным президентом и убрал с политической арены возможного преемника, собственного зятя, который, судя по всему, слишком активно начал готовиться к высшей власти. Продолжалась политическая неразбериха в Киргизии, завершившаяся в октябре 2007 г. роспуском парламента.

Главные заслуживающие внимания новости приходили прежде всего из Туркмении. К осени 2007 г. стало ясно, что на центральноазиатской политической сцене появился новый весьма интересный и все более влиятельный игрок – президент Туркменистана Гурбангулы Бердымухаммедов. В одном из прошлых обзоров я писал о том, что, скорее всего, Бердымухаммедов во внешней политике будет придерживаться линии, выработанной в свое время Туркменбаши, до тех пор, пока не сложится более или менее стабильная расстановка сил внутри правящей верхушки Туркменистана. Весной 2007 г. можно было ожидать, что для этого потребуются значительное время и, кроме того, в роли президента Туркмении может оказаться иная фигура, обладающая, в отличие от Бердымухаммедова, собственной силовой опорой в виде армии, МВД или иного силового ведомства.

Однако события в Туркменистане развивались не по тому сценарию, который считался наиболее вероятным несколько месяцев тому назад. Во-первых, новый президент самым решительным образом утвердил свое лидерство внутри страны. В мае 2007 г. сначала в отставку, а потом и в тюрьму был отправлен *серый кардинал* прежнего режима, бывший начальник службы безопасности Туркменбаши генерал-лейтенант Акмурад Реджепов. Именно он, как можно предположить, помог Бердымухаммедову занять президентское кресло в критической ситуации, возникшей сразу после смерти бывшего туркменского лидера. Одновременно новый президент осуществил массированную смену кадров в высшем и среднем эшелоне власти, расставив на ключевые посты лояльных ему людей. Собственно говоря, ничего неожиданного в этом не было. Действия Бердымухаммедова полностью вписывались в нормальную схему поведения только что пришедшего к власти авторитарного правителя, создающего собственную силовую и политическую опору в бюрократической иерархии.

Несколько неожиданным было другое, а именно – масштабность перемен во внешней политике. Новый президент последовательно выводит Туркменистан из изоляции, в которую его погрузил бывший правитель, и расширяет спектр внешнеполитических связей с центральноазиатскими странами, Китаем, Россией и Западом. Можно с уверенностью утверждать, что стратегическая установка внешней политики Г.М. Бердымухаммедова состоит в том, чтобы открыть новые транспортные пути, в том числе на Восток, в Китай, и избавиться таким образом от односторонней экспортной зависимости от России, которая в середине прошлого десятилетия привела к практически полной остановке экспорта туркменского газа и, соответственно, к колоссальному снижению экспортных доходов и серьезной деградации газовой промышленности страны.

ДЛЯ РУЛЕВОГО

В заключение любой аналитической статьи или обзора полагается делать некие основополагающие выводы и формулировать рекомендации власть предержащим. Однако международная реальность слишком сложна, неоднозначна и подвижна, чтобы ее можно было вразумительно описать несколькими формулами. Но все же: надвигающаяся многополярность – не благо, а угроза; *абсолютная однополярность*, как и *концерт великих держав*, – иллюзии; возможный выход – система гибких *коалиций заинтересованных*, каждая из которых предназначена для той или иной конкретной цели; выживание евро-атлантической цивилизации, включая, естественно, Россию, требует гармоничного сочетания *мягкой и жесткой* силы. И последнее: *вторая холодная война* будет для России более губительной, чем *первая* оказалась для бывшего СССР.

Юрий Федоров

Принято считать, и небеспочвенно, что исторические аналогии вредны, ибо навязывают политическим игрокам заведомо устаревшие модели поведения. Меняются технологии, экономические модели, политические системы и идеологические установки системы коммуникаций. Наконец, меняются даже люди, хотя это и самый консервативный элемент системы международных отношений. Поэтому попытка приложить к сегодняшней ситуации лекала даже 50-летней давности, как правило, обречена если не на провал, то на умозрительность. Конечно, исторические аналогии имеют право на существование, однако, к примеру, тот факт, что к власти во Франции вновь пришел неэтнический француз невысокого роста и с неудовлетворенными амбициями, вряд ли должен приводить к созданию новых стратегических концепций, даже если новый лидер *прекрасной Франции* и мнит себя новым Наполеоном. Хотя как знать...

О ВРЕДЕ ИСТОРИЧЕСКИХ АНАЛОГИЙ

Исторические аналогии опасны тем, что создают иллюзию применимости прежних рецептов и технологий к решению сегодняшних проблем. Исторические аналогии опасны и тем, что политик или государство, действующий в тисках исторических аналогий, одобренных порой неправильным их пониманием, обречен *играть вторым номером*, отдавая инициативу, отказываясь от осмысления прошлого и понимания новых тенденций и поиска своего места в новом мире. Порой такой политик становится просто смешон, как смешон был Б.Н. Ельцин, пытавшийся в 1998 г. на *саммите* с европейскими лидерами хрустальным ключиком воспроизвести *союз трех императоров* (другими двумя *императорами* были *друг Жак* и *друг Гельмут*, естественно). Уроки прошлого существуют, чтобы их учить, но не для того, чтобы действовать по их рецептам. Именно поэтому вряд ли стоит серьезно воспринимать и разговоры о *новой* холодной войне, и призывы к новому *сдерживанию* российского империализма. Равно как и появление идей противопоставить блоку НАТО какой-то новый антиимпериалистический альянс. В этих идеях чувствуется желание переиграть прошлое, а это ни до чего хорошего никогда не доводит.

Но если мы видим, что история повторяется, если мы уверены в этом, то это очень тревожный сигнал, ибо он означает, что в системе международных отношений произошел какой-то сбой и развитие пошло *по кругу*. Движение *по кругу*, ориентация на исторические аналогии почти всегда и везде есть деградация. Иного не дано. А это значит, что те, кто попал в этот замкнутый круг и как бы выпали из процесса мирового развития, становятся глобально неконкурентоспособны и с этой точки зрения обречены на стратегическое поражение.

В насыщенном, но одновременно фрагментированном рассматриваемом периоде в развитии системы международных отношений как раз есть это настораживающее ощущение если не *дежавю*, чего-то очень знакомого. Хаотичность прошедшего квартала также объясняется весьма просто: система международных отношений находится в стадии активной перестройки, а основные игроки на мировой арене в ожидании нового контекста решают преимущественно тактические задачи. Время стратегии еще не пришло, а может быть, мы просто еще не способны уловить стратегические ходы *великих держав* современности за пеленой многочисленных событий последнего времени. Но вот ощущение *дежавю*, которое сформировалось в последние три-четыре месяца, вполне устойчиво, и вряд ли это просто аллюзия.

О КОСОВО И НЕ ТОЛЬКО

Пожалуй, ситуация вокруг Косово действительно является сердцевинной сегодняшних мировых отношений. Ведь в ней сфокусировались едва ли не все основные проблемы

современного мира, едва ли не все основные прецеденты и тенденции, а главное – все основные уроки современной мировой политики и нашей недавней истории.

Так в чем же главный урок, который надо извлечь из ситуации вокруг Косово?

Что международное право мертво? Нет. Пока еще нет. Хотя пациент, безусловно, находится в коматозном состоянии. Будь международное право мертво, независимость Косово была бы давно провозглашена, а Белград и тем более ООН даже не подумали бы спрашивать. Ведь в очень схожей типологически ситуации 1937–1938 гг. вокруг Чехословакии делегацию из Праги даже не подумали позвать в зал переговоров в Мюнхене, и она смиренно дожидалась в прихожей, когда властители мира решили, что можно отнять у этого вроде бы независимого государства. Вот это была действительно смерть международного права, за которой уже совершенно очевидно маячила большая война. Теперь согласитесь, властители мира или, как минимум, считающие себя таковыми соблюдают хотя бы внешние приличия, что уже неплохо.

Что военная сила вновь стала одним из наиболее значимых инструментов мировой политики, позволяющей кроить государства и континенты *по праву сильного*? Да она никогда и не переставала быть таковой, что бы там ни сообщали политики и политологи.

Что принцип нерушимости границ государств не является теперь *священной коровой*? Это было ясно еще в начале 1990-х гг., и только близорукие люди считали и продолжают считать, что результаты Хельсинкского совещания имеют хотя бы какое-то значение. Ведь значительной части государств, которые подписали в Хельсинки пресловутый Заключительный акт, уже не существует, а другая часть – например, Бельгия, а может быть, и Испания – вероятно, скоро исчезнут. Вот только некоторые считают, что можно обеспечивать единство и территориальную целостность своих союзников, расчлняя те государства, которые по каким-то причинам им не нравятся. Но так не бывает – тенденция, если она действительно тенденция, управляет всеми: и союзниками, и противниками, и нейтралами.

Что НАТО (а, вернее, США в окружении сателлитов, борющихся за симпатии Вашингтона) присвоило себе функции и судьи, и прокурора в международных отношениях? Это было ясно задолго до Косово. Более того, неизбежно обусловлено превращением НАТО из структуры, занимающейся территориальной обороной своих стран-членов, в организацию, декларирующую *проецирование демократии* как главную цель. НАТО было обречено – особенно после первой волны расширения – на то, чтобы претендовать на роль верховного арбитра глобального значения, поскольку это единственная миссия, которая достойна этой огромной по количественным параметрам и по – отчасти искусственно надутому – политическому значению. В противном случае не было смысла ни в том, чтобы сохранять НАТО после окончания холодной войны, ни в том, чтобы идти на рискованный процесс расширения.

Что двойные стандарты определяют поведение ЕС и что мнение России будет демонстративно игнорироваться, более того – Европа в лице Марти Ахтисаари будет откровенно бравировать этим? И снова – нет. ЕС стал игнорировать мнение России задолго до Косово и по вопросам, в которых Россия имела намного больше прав и возможностей требовать учета своих интересов. Например, в вопросе о транзите энергоносителей в начале нынешнего столетия. И тогда же выяснилось, извините за каламбур, что игнорировать Москву ЕС может, а проигнорировать – нет. А то, что уроженец города Выборга Марти Ахтисаари вел себя в отношении России так *отвязно*, – не беда. Просто он воплотил в своем поведении все долго скрываемые комплексы, полученные еще в юности, и принял желаемое за действительное. Бывает.

Главный урок Косово в том, что за свою землю в современном мире надо драться. Драться до последнего, в самой безнадежной, казалось бы, ситуации. Драться и побеждать. А не позорно сдаться и потом выклянчивать у победителей уступки, прикрываясь то Россией, то международным правом и заявляя о своем стремлении стать частью *цивилизованного мира* и еще более цивилизованной Европы. И это не урок для сербов, которые, кажется, патологически не умеют, да и не хотят учить уроки. Это урок для нас.

НОВЫЙ РОССИЙСКИЙ ВОЕННЫЙ АКТИВИЗМ: В НАЧАЛЕ СЛАВНЫХ ДЕЛ?

Одним из главных факторов в развитии военно-политической обстановки в мире в последнее время был нарастающий военный активизм России. Фактически если отрешиться от тенденций и заниматься только реальными событиями, то именно начало Россией активной военной политики в форме различных по сути и форме военных демонстраций было сердцевиной военно-политических процессов в мире в последние три-четыре месяца.

Действительно, новый российский военный активизм России можно считать значимым геополитическим фактором. Ведь если решение России о приостановлении действия Договора об обычных вооруженных силах в Европе было лишь политической демонстрацией глубокой неудовлетворенности Москвы, то последние действия показали ее готовность, помимо политических заявлений, подкрепить свое неудовлетворение западными партнерами определенными вполне ощутимыми военными действиями. Случилось то, что рано или поздно должно было случиться, то, о чем зарвавшихся западных политиков неоднократно предупреждали: Россия начинает понимать, что без постоянного

и настойчивого и реалистического поддавливания наших западных партнеров военными инструментами диалог с ними напоминает лекцию о пользе демократии и вреде суверенитета.

 Уильям Поттер (США), директор Центра изучения проблем нераспространения им. Дж. Мартина Монтерейского института международных исследований – по электронной почте из Монтерей: *Неопределенность вокруг иранской ядерной программы продолжает оставаться одним из наиболее серьезных вызовов. Очень много обвинений звучит от основных игроков. Самая большая опасность, которая не уменьшилась за последний месяц, это вероятность того, что Иран и Соединенные Штаты находятся на пути к столкновению, и некоторые ведущие фигуры в обеих странах приветствуют такой вариант развития событий. Долгожданным и позитивным событием в общей холодной атмосфере международной безопасности стало продвижение в денуклеаризации КНДР, большее, чем полагали многие эксперты.*

И оказывается, что, несмотря на все разговоры о *нафталиновости* наших бомбардировщиков, их появление позволяет нашим западным партнерам по-новому взглянуть на перспективы партнерства между Россией и НАТО. Так что говорить о том, что последние действия Москвы полностью лишены смысла, нельзя, да и российская авиация оказывается не такой уж *нафталиновой*, если вынуждает наших партнеров тратить свои *хайтековские* усилия не на экспорт демократии, а на перехват российских бомбардировщиков. Которые, кстати, не более *нафталиновые*, нежели разработанные за несколько лет до Ту-95 американские В-52, в последние годы исправно перепихивающие бомбами и ракетами одно государство за другим.

Другой вопрос, что для решения реальных геополитических задач России принятые меры и проводимые вблизи границ государств НАТО полеты мало что дают, поскольку решение таких задач России требует несколько других военных и военно-политических ин-

струментов, да и большей, нежели силовые демонстрации, жесткости и решимости добиваться своих целей. Но, думается, нервозность наших западных партнеров объясняется крайне прозаично: а что будет, если Россия, наигравшись в демонстрацию силы, начнет действительно использовать военный фактор рационально и жестко – для решения задач собственного развития и обеспечения экономических и политических интересов. И вот это уже будет для наших западных партнеров очень неприятно, поскольку заставит не только поднимать истребители на перехват российских бомбардировщиков, что, конечно, неприятно, но терпимо. Придется по-настоящему перестраивать

М
И
Р
О
В
Ы
Е
О
Ц
Е
С
С
О
В
Ы
Е

свою оборонную стратегию, сформированную еще в первой половине 1990-х гг. на базе казавшегося тогда абсолютной истиной тезиса, что Россия больше никогда не станет значимой военной силой.

Только вот для того, чтобы эффективно использовать военную силу для решения реальных геополитических и геоэкономических задач, нужна существенно другая армия, нужна существенно другая боевая техника, нужны существенно другие военная доктрина и оперативное искусство. Нужны немного другие генералы, которые не будут мыслить категориями холодной войны или даже конфликта в Чечне. Так что полеты стратегических бомбардировщиков в сторону Великобритании и проведение дивизионных военных учений – это всего лишь начало пути.

ПРОТИВОРАКЕТНАЯ ОБОРОНА: ИГРА ДВУХ

Ситуация в области противоракетной обороны (ПРО) развивается предсказуемо. Соединенные Штаты с последовательностью дорожного катка (управление которым сводится лишь к регулированию скорости движения, но никак не его направления), не обращая принципиального внимания на инициативы и предложения, строят ПРО в Европе. Так и удачное по форме и сути предложение России о совместном использовании Габалинской РЛС и создании на этой базе основ глобальной системы ПРО было фактически проигнорировано, если не считать появления у Вашингтона беспокойства на тему того, как объяснить отказ от предложений Москвы. А ведь создание такой системы во многом решало бы заявленные нашими американскими партнерами цели создания системы ПРО.

Это подтверждает две ранее высказанные принципиальные гипотезы. Во-первых, под ширмой ПРО скрывается более глубокий геополитический проект. Но прямо называть истинные цели и содержание этого проекта невозможно даже в условиях нынешней атлантической солидарности. А во-вторых, к пороговым странам этот проект имеет крайне отдаленное отношение. Так что вне зависимости от развития международной обстановки (даже если в Иране к власти придет руководство, которое объявит Америку главным союзником) и новых предложений с российской или какой-либо иной стороны, вне зависимости от критики специалистов и брюзжания европейских политиков американская система ПРО в Европе будет построена. И будет построена в том и только том виде, в котором она нужна США. И тогда, когда они смогут ее построить в нужной для США конфигурации и технологическом наполнении. У нас почему-то упускают из вида, что нынешние **колебания** США по вопросу о сроках и формате размещения ПРО США, проявлением которых считают идею не размещать пока в Восточной Европе ударные компоненты системы, могут быть не результатом политических проблем, а следствием технологической неготовности системы. И США просто нужно выиграть год–полтора, заодно продемонстрировав свою полную кооперативность и готовность к диалогу с Россией.

Казалось бы, этот эпизод современной мировой истории следует занести России в пассив. Но это только на первый взгляд. При внимательном рассмотрении (особенно если принять как данность то, что американская система ПРО хотя бы отчасти сориентирована против России, в чем уже мало кто сомневается) это означает возникновение между Россией и США впервые в постсоветской истории элемента прямого военно-политического взаимодействия. Что в свою очередь предполагает определенную взаимозависимость. Ведь, нравится нам это или нет, диалог по ПРО в Европе – а это был именно диалог, что бы там ни говорили критики двух президентов – стал первым по-настоящему практически наполненным вопросом в российско-американских отношениях за последние несколько лет. И это особенно ценно на фоне пустых дискуссий о правах человека и судьбах демократии в России. И этот возникший диалог надо ценить и развивать вне зависимости от того, какие действия осуществляют США в восточноевропейских странах.

В конечном счете, набор мер противодействия строительству американской ПРО в Восточной Европе уже понятен. Это, конечно, потребует определенных затрат, однако стратегические наступательные вооружения России и так надо было обновлять. И надо поблагодарить наших американских партнеров за то, что они подтолкнули нас к этому важному и, безусловно, правильному решению.

Хотя нельзя не отметить мастерство Вашингтона, который в процессе дискуссии о судьбе ПРО в Европе изящно сделал именно Москву ответственной за введение ядерной программы Ирана в рамки, предусмотренные Договором о нераспространении ядерного оружия. А главное – смог представить свои действия как вынужденные и связанные с тем, что у Москвы не получилось умиротворить Тегеран.

Но важно и другое. Создавая хотя бы частично ориентированную против России систему ПРО, США признают уже не косвенно, а прямо Россию в качестве военного фактора глобального значения. Вашингтон признает, что Россия становится таким военным фактором, который уже невозможно сдерживать, опираясь на Польшу, Украину и прибалтийские лимитрофы. Приходится действовать самим американцам. И теперь только от нас, от России зависит, сможем ли мы трансформировать это – вероятно, очень неохотно – признание Вашингтона в прямые военно-политические дивиденды. В конечном счете, быть военным соперником США – вполне достойный статус для государства, про которое еще шесть-семь лет назад в Вашингтоне шла дискуссия, выживет оно или распадется на множество мелких государств. Но статус военного соперника США не только почетен и исключительно геополитически выгоден, но и чудовищно геополитически ответственен, так что российской политической элите пора избавляться от привычек, выработанных за годы *творческого простоя* и разборок *по мелочам* с нашими сварливыми прибалтийскими соседями. Тогда и не будем попадать в то неловкое положение, которое испытала российская дипломатия, оказавшись между молотом США и иранской наковальней.

ТУРЕЦКИЙ ФАКТОР И ЕВРОПЕЙСКАЯ ПОЛИТИКА

Одним из наиболее значимых военно-политических факторов последних трех-четырёх месяцев стало принятие решения об операции турецких войск в курдских районах Ирака против боевиков Курдской рабочей партии. Исключительно интересное событие, которое при внешне тактическом характере вскрывает многие стратегические механизмы в развитии сегодняшней системы международных отношений.

Зададимся вопросом: а имела ли Турция право на проведение такой операции с учетом того, что напряженность на ее границах действительно была очень значительной? Безусловно, имела. Более того, стоит позавидовать крепости нервов турецкого руководства, которое оттягивало принятие решений о начале операции до последнего. Мотивы турецкого руководства прозрачны: оно прекрасно понимает, что зачистка боевиков в иракском Курдистане сделает еще более непростыми переговоры о вступлении Турции в ЕС. Однако, хотя сейчас турецкое руководство достаточно сильно, чтобы пойти против собственного общественного мнения, требовавшего начала операции, делать это до бесконечности невозможно.

Вопрос не в том, что курды борются за свою национальную независимость. И не в том, что возникновение курдского государства будет означать долгосрочную дестабилизацию ситуации на всем Ближнем Востоке. Вопрос в том, что военная активность курдов в Северном Ираке есть фактор исключительно управляемый. Ибо маловероятно, чтобы в условиях прямой американской оккупации Ирака курды, которые, напомним, являются главным союзником американцев, могли бы действовать столь агрессивно против – формально – другого американского союзника без, как минимум, нейтрального отношения к их действиям со стороны Вашингтона. Если говорить прямо, нельзя исключать, что Вашингтон поощрял действия курдских боевиков, возможно, создавая у них иллюзию того, что ответа со стороны Турции удастся избежать.

Тогда встает вопрос, а зачем США это надо? Зачем США **подставлять** одного из своих ключевых союзников? И, заодно, почему чем более проамерикански настроен политик в Европе, – классические примеры: Николя Саркози и Ангела Меркель, – тем более враждебно он настроен в отношении Турции и ее возможного членства в ЕС?

И ответ на это вопрос достаточно прост: объединенная Европа с Турцией – это нечто иное, нежели ЕС без Турции. Ведь Турция – это не просто государство, которое обладает уникальным геополитическим положением и дает ЕС прямой и не контролируемый США выход на рынки Ближнего и Среднего Востока. Это государство, которое обладает промышленной базой и людскими ресурсами для того, чтобы эту базу использовать. Это государство, которое обладает реальным военным потенциалом, в отличие от большинства нынешних государств ЕС. Это государство, которое весьма прозорливо обеспечило себе прямой доступ к энергетическим ресурсам постсоветского пространства. Турция в намного большей степени, нежели Польша, имеет потенциал для того, чтобы предъявлять претензии на лидерство в Европе.

Поэтому для США принципиально важным является сохранение Турции в собственной орбите, не дав возможности Европе и Турции взаимно дополнить потенциалы друг друга. Что интересно, в планах формирования *нового Ближнего Востока* или *Большого Ближнего Востока*, которые периодически просачиваются из вашингтонских коридоров, Турция оказывается государством, которое не благоденствует в единой Европе, а вынуждено своими вооруженными силами и политическими возможностями вмешиваться в силовые процессы в регионе, чтобы (в том числе и в силу необходимости обеспечить безопасность собственных границ) навести в сопредельных регионах минимальный порядок. Понятно, что в таких условиях Турция окажется под градом критики со стороны европейских структур и будет вынуждена вновь вернуться под крыло США, забыв на много лет о возможности самостоятельной политики и влияния в Европе.

А курдов жалко – они просто оказались пешкой в чужой игре. Пешкой, которой скоро пожертвуют без всяких сожалений.

ИРАК: ПОСМЕРТНОЕ ПОРАЖЕНИЕ

Говоря о ситуации в Ираке, надо признать, что действия американцев с точки зрения тактики были не то чтоб успешны, но, как минимум, эффективны. Введя дополнительный контингент в зону *большого Багдада*, они добились того, что боевики если и не были оттуда выдвинуты полностью, то существенно сократили свою активность. Конечно, они *перетекли* на север, в Кербеллу, в Басру, однако их деятельность в этих регионах имеет существенно меньшую опасность для США: там объектами нападений становятся шииты и курды, а главное – там меньше иностранных корреспондентов и камер американских телеканалов. В результате становится меньше телерепортажей с горящей в кадре американской бронетехникой, что создает иллюзию относительной стабилизации обстановки, что так льстит американской администрации. Так что вроде бы циничное предположение о том, что ход современных войн определяется новостными каналами, находит свое подтверждение.

 Абдулазиз Сагер (Саудовская Аравия), директор Исследовательского Центра Залива – по телефону из Дубай: *Из событий, повлиявших наиболее негативно на климат региональной безопасности, я могу назвать появление видеозаписи выступления Усамы бен Ладена и Аймана Аль-Завхири 11 сентября. Другой отрицательный фактор – это сохранение угрозы возможного взрыва со стороны Ирана в случае нападения на эту страну в связи с подозрениями относительно ее ядерной программы. Положительно на атмосферу в регионе влияет сближение между Катаром и Саудовской Аравией.*

Проблема только в том, что тактические успехи никак не могут изменить факт стратегического поражения США. И дело – не в Ираке. Дело в том, что, начиная кампанию против Саддама Хусейна, которого они изучили досконально, изолировали даже от самых близких союзников, окружение которого попросту купили, армию которого разложили, США никак не могли себе представить, что победоносное шествие превратится в хотя и слабое, но все же подобие вьетнамской войны. А США – единственная сверхдержава современного мира, имеющая глобальные интересы, – окажутся втянутыми в истощающий военные и политические ресурсы конфликт в не самом важном для интересов США районе мира.

Ведь в результате войны в Ираке выяснилось, что военные ресурсы США, мягко говоря, исчерпаемы, и даже при той сравнительно невысокой интенсивности боевых действий и потерь, которая есть в Ираке, Пентагон начал испытывать сложности с поддержанием боеспособности группировки уже в конце 2005 г., а к 2007 г. эти сложности приобрели хронический и системный характер. Именно поэтому *усиленная* группировка американских войск продержалась в Ираке меньше восьми месяцев – на большее просто не хватило сил и ресурсов. Рискну сделать вывод: система военного планирования и поддержания мобилизационной готовности в США продемонстрировала высочайшую систему эффективности в краткосрочных военных конфликтах, но оказалась крайне уязвимой при затягивании конфликта.

К тому же, встает вопрос о том, что теперь делать с войсками, которые прошли несколько туров пребывания в Ираке. Дело тут не в каком-то *синдроме*. Дело в управляемости и подконтрольности данных подразделений, которых война в Ираке с учетом вседозволенности и коррупции разложила. Ведь даже просачивающиеся из района боевых действий сведения дают почву для очень серьезных выводов о боевом и психологическом состоянии американского контингента. И вряд ли эти подразделения сейчас можно воспринимать как безусловно боеготовые, особенно для реального военного конфликта с серьезным противником, к примеру, где-то в Северо-Восточной Азии. Так что получается, что Саддам Хусейн все же нанес посмертное поражение американским войскам.

С этой точки зрения необходимо серьезно отнестись к мельком прозвучавшему предложению кандидата-республиканца Рудольфа Джулиани о том, чтобы принять в НАТО страны, не относящиеся к евро-атлантическому региону, прежде всего, Израиль и государство Азиатско-Тихоокеанского региона. Ясно, что эта идея идет не от Джулиани, познания которого в мировой политике, как известно, экзотичны – явно она подсказана теми в Республиканской партии, кто еще надеется на победу на президентских выборах. Это свидетельствует о том, что в американской элите зреет понимание серьезного кризиса в системе военно-политических обязательств США и необходимости существенного их изменения. Вряд ли это связано с ситуацией в НАТО, которая для американцев сейчас самая благоприятная за последние 25 лет. Однако проблема в том, что нарастающе лояльные европейские союзники Вашингтона столь же нарастающе бесполезны – за исключением Польши, естественно – в военном плане. А США уже не готовы декларировать способность монополично обеспечивать стабильность дружественных режимов и нуждаются в том, чтобы быть поддержанными военной мощью своих союзников. Это, кстати, говорит о том, что в США многие уверены в том, что роль военной силы в обозримой перспективе будет только возрастать. Однако думается, что речь идет не столько о создании *расширенного НАТО*, сколько о некоей новой структуре с формализованными военно-политическими обязательствами. И базой для такой организации, вероятно, будет уже не столько НАТО, сколько *повязанная кровью* антииракская коалиция, сплоченная на базе общей ненависти к ней со стороны воинствующего ислама.

ЕС: ПУЗЫРИ ЗЕМЛИ

Говоря о ситуации в Европе, ловишь себя на интересной мысли: Россия впервые со времен Петра Великого практически не имеет влияния на европейскую политику. Россия может что-то говорить европейцам, но они уже не утруждают себя имитированием внимания к тому, что говорится из Москвы, и оживляются только тогда, когда Россия на-

чинает очередной раунд газовой дипломатии. Европа как в формате ЕС, так и в формате отдельных государств также имеет все меньше и меньше влияния на политику Москвы, хотя Кремль деликатно выслушивает европейских политиков. Это так отличается от того внимания, которое и в Москве, и в европейских столицах уделяют тому, что говорят в Вашингтоне, даже если там говорят откровенную чушь. Так что казавшаяся еще два года назад страшной ересью мысль о том, что отношения с ЕС Россия должна выстраивать через Вашингтон, становится все более и более актуальной.

Конечно, мы наблюдаем разворот новой плеяды европейских лидеров к более тесным отношениям с США, наиболее разительным примером которого было заискивающее поедание гамбургеров президентом Франции Николя Саркози на семейной вилле Бушей (в чувстве юмора, хотя и своеобразного, Бушу-старшему отказать нельзя), но подобное же происходит и с другими лидерами *единой Европы*. Было бы искушением назвать это все *зигзагом*, связанным с личностями пришедших в последнее время к власти и их личными симпатиями к США. Но дело, вероятно, не в этом. Дело в том, что разворот в сторону сближения с США даже в таких в общем-то унижительных для европейцев формах, как это произошло с Саркози, является признанием того, что Европе рано пока играть самостоятельную роль и без стратегического альянса с США ЕС не так уж много и значит в глобальном масштабе. И тот факт, что президент Франции согласился есть гамбургеры и хот-доги для того, чтобы доказать свою лояльность Вашингтону, говорит очень о многом, ибо голлизм, похороны которого состоялись в семейном поместье Бушей, был достаточно стойкой идеологией европейской самостоятельности.

Но есть и другой аспект проблемы – бюрократия ЕС, которая уже свыклась с мыслью о своей глобальной роли и вряд ли согласится так быстро отказаться от ощущения близости мирового господства. Период, когда в Брюсселе занимались в основном тем, что определяли стандартную длину европейского огурца, прошел, и возвращаться туда евробюрократам уже не хочется. Но то, как будут сочетаться стремление европейской бюрократии сохранить за собой глобальный статус и желание значительной части европейских элит вернуться под американское крыло, является открытым вопросом, ответа на который не знает никто.

Однако главное, вероятно, не это. У А. Блока в период модного в начале XX в. декадентства, когда он еще и в страшном сне не мог представить, что скоро будет призывать *слушать революцию*, вышел сборник «Пузыри земли», начинавшийся с жутковатого эпитафия из шекспировского «Макбета»: «Земля, как и вода, содержит газы; И это были пузыри земли». Пророческий, надо сказать, оказался эпитафий для начала XX в. Европейская земля в тот раз выдавила из себя коммунизм, а заодно и русский бунт, не то чтобы очень бессмысленный, но вполне беспощадный. Вот нечто подобное происходит и в современной Европе. Из современной Европы, как из подернувшегося травой-росянкой торфяного болота, начинают выходить газы. Попытка консолидации ЕС выдавливает ближе к поверхности различные маргинальные силы, которые, в принципе, неплохо ощущали себя в рамках национальных государств, но не стремились *высовываться*. Теперь, под воздействием общеевропейских процессов унификации, стандартизации и введения почти тоталитарной идеологической регламентированности, их выталкивает на поверхность европейской политической жизни. В *единой Европе*, которая становится все более зарегулированной, политического и экономического места на всех не хватит, а значит, за него надо бороться всеми доступными средствами. Так значит, тот всплеск политического экстремизма, а порой – и откровенного фашизма, национализм, буйство национальных и сексуальных меньшинств, периодически возникающие то в одной, то в другой стране благополучной Европы погромы, – все это является не краткосрочным зигзагом, а среднесрочной тенденцией.

Если посмотреть на ситуацию в Европе в динамике, то европейский континент сегодня отличается от благополучной Европы конца 1970-х гг. (до того момента, когда США в попытке *добить* застойный СССР начали грандиозную операцию по размещению ракет средней дальности в Европе) в не меньшей, если не большей степени, нежели Россия октября 1993 г. от России октября 2007 г. Это уже не та благообразная Европа, которую показывали постперестроечным россиянам по телевизору. Это уже Европа, где

прямо говорится, что Сталин хуже Гитлера, а скоро выяснится, что Гитлер вообще-то не был так уж плох, поскольку давал народам Европы свободу от коммунизма. Где не зазорно – особенно в Восточной Европе – кричать *хайль*, где количество экстремистских группировок правого и левого толка растет как на дрожжах, где почти официальной идеологией становится антихристианское мракобесие, прикрываемое разговорами о светском характере государства. Но, что самое главное, современная Европа – это некая аморфная масса, из которой вынули идеологический стержень и заменили его социальным пакетом и всесильной национальной и наднациональной бюрократией. И эта масса уже не способна произвести на свет никакой вменяемой политической идеологии, которая могла бы конкурировать с *пузырьками*.

Ситуация в Европе была бы абсолютно внутренним делом европейцев и мало бы касалась проблем оборонной политики России и вообще военно-политической ситуации в современном мире, если бы не одно досадное обстоятельство. Во второй половине 1920–1930-х гг. из Европы – правда, под воздействием несколько иных факторов – также *выходили газы* политического экстремизма. И именно из этих *газов* сформировался европейский фашизм, замешанный в том числе на все той же привычной русофобии, которую в политических целях называли антикоммунизмом. Так что надо смотреть правде в глаза: фашизирующийся и политически маргинализирующийся под воздействием *пузырей* Европейский Союз станет военно-политической **проблемой** для России, а затем – и **военной угрозой** для нашей страны. Ибо путь его будет лежать на Восток – к природным ресурсам нашей страны, которые надо будет взять любой ценой. И к этому, вероятно, пора готовиться уже сейчас, тем более что разговоры о том, что природные богатства России должны принадлежать всему человечеству, сейчас в Европе сильны как никогда.

О ПОЛЬСКОМ ГУСАРЕ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО

О Польше – либо хорошо, либо ничего. Такое поведение диктует нам пресловутая европейская политическая корректность. И это не случайно. Польша превращается в некую *фигуру умолчания*, которой европейские политики как-то стесняются, но которая ведет себя столь активно в последнее время, что не говорить о ней нельзя. Так ведет себя ставший крупным политиком отличник в отношении двоюродного брата-хулигана. Так ведут себя в отношении родственника, отбывающего длительный срок за изнасилование. Действительно, а как еще относиться к члену Евросоюза, который стал источником всех (!) кризисов в ЕС последних двух лет и с предельной нахрапистостью выжимает из европейцев политические и экономические уступки, руководство которого открыто оскорбляет даже Германию, от благоденствия которой, в сущности, зависит, а главное – демонстрирует откровенное презрение ко всем основам современной общеевропейской политики: от изгнания религии из общественной жизни до отказа от смертной казни как меры наказания.

Современная Польша, ее внешняя и оборонная политика, а главное – то, как европейские страны относятся к *польскому ренессансу*, – это тот все-таки не частый случай в современной мировой политике, когда нельзя отделаться от мысли, что развитие пошло по кругу, то есть вошло в период деградации. Ведь, по сути, современная Польша делает сейчас ровно то, что она делала в период между 1925 и 1939 гг. То есть пытается играть роль *великой* европейской державы. В тот период Польша (надо признать, зачастую умело) маневрировала между основными игроками европейской политики, в том числе и натравливая их друг на друга, стремясь выторговать себе место под солнцем. И преуспела – к 1937 г. без Польши не решался ни один серьезный европейский вопрос, Польша сама выбирала себе партнеров, а договора о ненападении (!) с «уродливым детищем Версальского договора», как скажет чуть позже В.М. Молотов, добивались и Гитлер, и Сталин, причем Гитлер (об этом в современных учебниках европейской истории, разумеется, ничего нет) оказался более удачливым.

В конце 1930-х гг. закончилось это все печально: меньше чем через полтора года после того, как Варшава вместе с Гитлером рвала на куски Чехословакию (мы как-то забываем, что в ходе печально знаменитого Мюнхенского сговора, с которого и началась Вто-

рая мировая война, Польша была союзником нацистов), она сама была растоптана бывшим соратником по борьбе за *место под солнцем*. Растоптана легко, ибо роль Польши как европейской великой державы 1930-х гг. не базировалась ни на чем: ни на военном потенциале, ни на экономическом, ни на монолитности и целеустремленности элиты. Точно так же нынешняя роль Польши как государства, которое претендует на то, чтобы вершить судьбы ЕС, не основана ни на чем, если не считать иллюзий Варшавы о собственном величии и поддержке со стороны США. Правда, американцы хорошо известны тем, что в определенных обстоятельствах легко *сдавали* всех своих союзников: от южновьетнамских генералов и восточноевропейских антисоветчиков до Эдуарда Шеварднадзе и талибов.

Не нам критиковать Польшу. Слишком много всякого в нашей взаимной истории, да и это суверенное право Польши и поляков – мечтать о своей стране как о великой державе *от моря до моря*. В конечном счете, сегодня Польша является единственной страной в Европе, кроме России, которая имеет независимую от ЕС внешнюю политику, не говоря уже о внутренней. За это Варшаву стоит только уважать, тем более что современная Польша – один из примеров реального воплощения принципов *суверенной демократии*. Только всегда надо помнить, что борьба Польши за *место под солнцем* в конце 1930-х гг. закончилась возникновением общеевропейской напряженности, а затем и войны с известными последствиями. А Польша, во многом став одной из виновниц конфликта в Европе, оказалась неспособной даже в минимальной степени справиться с военными результатами своих политических действий. Поскольку польская элита тридцатых годов, равно как и нынешняя польская элита, в своей откровенной безответственности никогда не задумывалась о последствиях своей заносчивости и агрессивности. Так что обвальное нарастание политической активности Польши означает только одно: впереди в Европе период политической, а затем – и военной нестабильности, который почти неизбежно затронет и Россию.

В действительности европейский или неевропейский выбор Польши есть выбор между Польшей как нормальным европейским государством, играющим *по правилам* (вне зависимости от того, нравятся ли России эти правила или нет), и Польшей как источником нестабильности в Европе. В этом смысле победа умеренных правых на недавних выборах имеет ободряющее значение и для Европы, и для России. Ибо это не только и не столько надежда на возобновление нормального диалога между Варшавой и Москвой, сколько укрепление базиса европейской стабильности. Вопрос только в том, насколько нынешние выборы отражают стратегические изменения в общественном мнении Польши, а насколько являются свидетельством испуга польского общества перед изоляцией и на Востоке, и на Западе. Вопрос также состоит в том, насколько Брюсселю, а по сути – Берлину, удастся интегрировать Польшу в систему политических приоритетов Европы; насколько европейским институтам удастся убедить Польшу, что она должна стать такой же страной, *как все*. Как Греция, как Португалия, как Кипр. Хотя то, насколько долгим и фундаментальным окажется нынешний разворот польской политики, покажет только время. И, боюсь, дело тут не только в близнецах Качиньских, на которых и в Европе, и в России готовы *свалить* все проблемы, которые создала Польша для европейских государств.

США И ИРАН: СТРАТЕГИЧЕСКАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ

Про современную ситуацию в американо-иранских отношениях написаны горы литературы.

И уже, кажется, неважно, нанесут США удар или не нанесут. Само ожидание вооруженной акции США против Ирана становится одним из наиболее значимых факторов современных международных отношений. Ожидание столкновения управляет ценами на нефть и газ, транспортными потоками, инвестициями, контрактами, наконец, жизнью многих, возможно, миллионов простых людей. И тот, кто управляет этими ожиданиями, получает в свое распоряжение исключительно важный рычаг управления мировой политикой и экономикой. А управляют этим, очевидно, из Вашингтона, поскольку именно от-

туда исходят все или почти все утечки о том, когда и как Америка собирается бомбить Иран, сколько целей будет поражено, какие варианты рассматриваются с точки зрения наземных действий.

Хотя, конечно, не заметить определенных колебаний относительно того, как и когда проводить вооруженную операцию против Ирана, у Вашингтона нельзя. Ведь главная проблема заключается в том, что США сами превратили акцию против Ирана в один из крупнейших глобальных приоритетов, хотя можно было бы еще полгода назад ограничиться *малой кровью* – разбомбить несколько объектов и объявить угрозу нераспространению со стороны Ирана ликвидированной под аплодисменты мировой *прогрессивной общественности*. Но теперь уже не получится ограничиться кратковременной акцией с воздуха, а главная – эта акция должна закончиться чем-то значимым, например, сменой режима в Иране или, как минимум, уничтожением большей части военной и ядерной

инфраструктуры этого государства. То есть речь идет о долговременной воздушной кампании против Ирана, сравнимой по масштабам с военной операцией против Югославии. Вот только при всей экзотичности президент Ирана Ахмадинежад слабо напоминает и Милошевича, и Саддама Хусейна, которые наивно верили, что США от них *отстанут* после кратковременной войны. Верили – и просчитались. Ахмадинежад обречен на то, чтобы ответить американцам, а вернее – их союзникам в регионе. Обречен хотя бы для того, чтобы обеспечить собственное выживание, ибо отказаться от ответа будет означать *потерю лица*, а на Востоке, и особенно в современном Иране *потеря лица* будет означать потерю власти, а затем – и жизни.

Глядя на то, как американцы разыгрывают ситуацию вокруг Ирана, невольно приходит на ум следующее: американцы во многом добились своих целей, сформировав вокруг возможного конфликта состояние стратегической неопределенности, когда вроде бы понятно, что США будут бомбить Иран и уничтожать его ядерные и военные объекты, но не ясно, когда, как, в каких масштабах и какими средствами. То есть понятно, что некое действие со стороны США будет, однако только США по только им одним известным соображениям будут определять, каким оно будет. США, создавая стратегическую неопределенность, превратили свою слабость в силу. Если бы Россия вела себя так же мудро в отношении и стран бывшего СССР, и в особенности ЕС, создавая у них пугающее ощущение неизбежности ответа на некие враждебные Москве действия при полной неясности, какими эти действия могут быть, то внешнеполитические успехи нашей страны были бы куда более значимы.

РОССИЯ И КИТАЙ: ПРЕДЕЛЫ ПАРТНЕРСТВА

Крупномасштабные совместные российско-китайские учения начала августа 2007 г. в Челябинской области стали одним из важнейших событий мировой политики. Они достаточно очевидно доказали, что Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) превращается из политического клуба, участники которого более озабочены приграничными проблемами, в военно-политическую структуру, которая вполне может осу-

 Евгений Сатановский (Россия), президент Института Ближнего Востока – по телефону из Москвы: *Негативно влиять на климат международной безопасности продолжают ситуация вокруг иранской ядерной программы и обстановка в Ираке. Неформальное объединение Запада, Израиля и арабских стран, кроме Сирии, по иранскому вопросу может позитивно сказаться на состоянии безопасности. Положительным фактором стал также разгром палестинских исламистов в Ливане. В октябре я ожидаю дальнейшего ухудшения по всем направлениям (суданский Дарфур, радикальные исламисты – по всему региону, Сомали, Иран, Ливан, Афганистан, Пакистан).*

Константин Эггерт (Россия), главный редактор московского бюро Русской службы Би-Би-Си – по телефону из Москвы: *Я думаю, что показатель Индекса мог бы быть выше, потому что начало ядерного разоружения Северной Кореи оказало большое позитивное влияние на уровень безопасности. Среди событий, оказавших негативное воздействие в сентябре, отмечу новый виток напряженности вокруг Грузии, неопределенность с дальнейшими планами Путина и смену кабинета в России.*

ществлять стабилизационные мероприятия на территории своих стран-членов. А от этого всего лишь шаг к превращению ШОС в военно-политическую структуру, сориентированную на территориальную оборону своих стран-членов. То есть, в сущности, на ту же задачу, ради которой в 1949 г. создавалось НАТО. Но для того чтобы организация с такой, прямо скажем, ответственной повесткой дня существовала и выполняла свои функции, необходимо нечто большее, нежели просто желание координировать военно-политическую деятельность и меры по борьбе с терроризмом в Центральноазиатском регионе и на словах конкурировать с блоком НАТО, пребывающим в нарастающем застое. Для того чтобы существовала и эффективно развивалась организация с целями,

масштабом и геополитическим значением, которые заявляются лидерами ШОС, прежде всего, нашими китайскими партнерами, необходимо единство идеологии и единство врага. А уверены ли мы, что у нас с КНР единые цели, единая идеология и, что самое главное, единый враг?

Думается, следует констатировать, что, выйдя на уровень прямого военного партнерства с КНР, Россия почти исчерпала возможности для дальнейшего сближения с Поднебесной. И надо признать, что сближение это пошло России на пользу и с точки зрения обеспечения ее безопасности, и с точки зрения укрепления международного влияния нашей страны. Однако дальнейшее движение в том же направлении может вывести Россию на очень зыбкую почву превращения нашей страны в сателлита КНР. А этот статус уже не просто неприятен. Он, если учесть исторический опыт Китая за последние несколько тысяч лет, просто опасен. Он вдвойне опасен, если учесть разницу экономических потенциалов (особенно непосредственно на Дальнем Востоке) между современной Россией и современным Китаем и постепенное втягивание КНР в конкуренцию с США, в которой уже откровенно проглядывает силовой компонент.

Поэтому самым оптимальным для России было бы, высоко ценя современный уровень сотрудничества с Китаем и используя стабилизационный потенциал ШОС для решения весьма актуальных для безопасности России задач в Центральноазиатском регионе, продумать сценарий, как, не нанося моральной травмы нашим китайским партнерам, все же сохранить максимальную свободу рук. Она нам еще понадобится и в Центральной Азии, где динамика событий не дает оснований для благодушия, и особенно – в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где наступило подозрительное затишье и почти полное, можно сказать – пугающее умиротворение.

НА ДАЛЕКОМ БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Становится все более очевидно, что ситуация на Ближнем Востоке, если отбросить мишуру мирных инициатив и встреч ближневосточных квартетов, которые кого-то к чему-то призывают, сдвигается все ближе и ближе к серьезному кризису. И это связано далеко не только с ситуацией вокруг Ирана. Даже если отбросить разговоры о том, что Ричард Чейни был готов попросить Израиль в буквальном смысле слова пожертвовать собой, чтобы дать возможность США легитимно напасть на Иран (которым почему-то веришь; действительно, магия личности – страшная сила), за последние четыре месяца в регионе произошла масса событий, каждое из которых еще больше обостряло ситуацию. И налет Израиля на территорию Сирии, и активное взаимодействие сирийцев

с северокорейцами, которое имеет военно-прикладной характер, и показательная бойня, устроенная ливанским премьером-демократом Фуадом Сеньорой в лагере палестинских беженцев Нахр-эль-Баридж, превращающийся в сериал *отстрел ливанских депутатов от правящей коалиции*, захват ХАМАСом власти в Газе и зачистка фатховцами при поддержке израильтян хамасовцев на западном берегу реки Иордан. Все эти события имели одностороннюю направленность, приближая регион к крупномасштабному конфликту. Причем все это происходило под аккомпанемент миротворческих инициатив и заявлений.

Такое впечатление, что регион и те, кто претендует на роль посредника-миротворца, живут в разных измерениях. Только вот какой из миров ближе к реальности: мир *посредников* или мир непосредственных участников развития ближневосточной драмы? Боюсь, что ответ очевиден, а *посредники* делают хорошую мину при очень неважной игре, поскольку в противном случае придется признать, что все усилия мировой дипломатии, начиная с «Программы Буша» по Ближнему Востоку (Буша-старшего, разумеется), могут пойти прахом.

Но откуда взялось это почти не скрываемое желание *поиграть мускулами* у региональных игроков? Конечно, с одной стороны, все региональные силы хотят *под шумок* военной операции США против Ирана попытаться решить собственные военно-политические задачи. Прежде всего, Израиль, которому (причем в данном случае речь не о правительстве Ольмерта, а о стране в целом) надо смыть с себя негатив неудачной войны в Ливане. Но точно так же действуют и другие игроки, к примеру, Сирия, которая, вероятно, рассчитывая, что США увязнут в Иране, затягивая за собой и Израиль, рассматривает вариант возвращения в Ливан. Однако вопрос еще глубже: незаконченная, вернее, завершившаяся ничем война Израиля в Ливане мало того что привела в движение очень серьезные внутрирегиональные силы, которые увидели в настоящем вооруженном конфликте возможность для своего укрепления. Эта война, а вместе с ней и серия *лугливых* по сути операций Израиля в Газе и на Западном берегу, оставила после себя самое страшное для региональной стабильности: поколение недовоевавших политиков и военных, которым надо как-то реализовать себя.

Нестабильность и желание *двоевать*, а главное – восприятие военных средств как способ собственному выживанию и политического укрепления – вот источник сегодняшнего *скатывания* региона к серьезному вооруженному конфликту. И это особенно опасно с учетом того, что, как показали война в Ливане, война в Ираке, военные приготовления вокруг Ирана, да и межпалестинские войны, на Ближнем Востоке остается все меньше людей, которые реально знают, как воевать. Это, действительно, очень ценное знание, и включает оно в себя знание того, когда начать войну, где ее начать, а главное – как ее закончить. Так вот, если на Ближнем Востоке начнется война, вести ее будут люди, которые не имеют ни малейшего понятия о том, как ее нужно будет заканчивать. И вот это уже будет проблема не регионального, а глобального масштаба.

СУВЕРЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

А мне нравится термин *суверенная демократия*. Нравится хотя бы потому, что как бы официально признает то, что и так всем было в принципе понятно: демократия в любой стране должна развиваться в соответствии с традициями, культурой и интересами народа этой страны, а не на базе того, что говорят в Вашингтоне или других мировых столицах при безусловном уважении национального суверенитета того или иного государства. Нравится хотя бы потому, что антонимом *суверенной демократии* является понятие *колониальная демократия*.

Беда в том, что *в принципе* понимая это, российская политическая элита – вероятно, чтобы не обидеть наших западных партнеров – долгое время боялась сказать это вслух. Теперь эта ключевая формула произнесена, и уже не так важно, что стало причиной такой геополитической смелости: цены на нефть или возникновение у российской элиты государственнической идеологии. Что до разгоревшейся вокруг формулы *суверенная демократия* дискуссии, то порой создается впечатление, что иным ее критикам не нравится

 Чжие **Цзи (КНР)**, директор Института исследования России – по электронной почте из Пекина: *Лето – время отдыха лидеров великих держав и снижения политической активности. Но основным фактором относительного повышения значения Индекса и сохранения показателя примерно на одном уровне стало продвижение в процессе решения северокорейской ядерной проблемы. Повышению индекса препятствует особенно острый иранский вопрос. Волнения в Мьянме, несмотря на бурную реакцию в СМИ, не представляют серьезной угрозы для региона и не оказывают существенного влияния на динамику международной безопасности. С приходом нового правительства в Японии связываются и новые надежды, что также позитивно сказывается на атмосфере в регионе. Успешно продвигаются российско-китайские экономические отношения и общее сближение между нашими странами.*

не столько термин или его идеологическое наполнение, сколько автор.

В конечном счете, правота концепции суверенной демократии в глобальном контексте заключается в том, что она признает множественность форм демократии и примат международного права в качестве отправных точек развития современного мира. То есть оставляет за народами право на самостоятельный выбор и самостоятельное развитие, которое почти отобрали у них идеологи западного либерализма.

Главная проблема суверенной демократии, которая, собственно, и определяет успех или провал подобных проектов, – необходимость обеспечения конкурентоспособности. Суверенная демократия будет суверенной, только если будет конкурентоспособной. Причем конкурентоспособной во всем: от экономики до образования. Но главный элемент – конкурентоспособность элиты, которая складывается из трех принципиальных компонентов: эффективность, ориентация на развитие и устойчивость в случае возникновения кризиса. Но если оценить конкурентоспособность российской элиты по этим трем параметрам, то выводы будут очень неутешительны. Особенно с точки зрения устойчивости элиты в случае кризиса. Вспом-

ним, как позорно разбежалась российская элита, когда случился Беслан, оставив президента один на один с этой бедой.

Но мы не должны забывать и то, что суверенная демократия только тогда суверенна, когда может себя защищать, что наглядно подтверждается на примере Сербии. И хотя военный активизм России внушает оптимизм, фактический провал авиасалона «МАКС-2007» с военной точки зрения, когда в качестве самолета *почти пятого поколения* пытались пропигарить самолет, созданный десять лет назад для экспорта в Латинскую Америку, оставляет тревожное ощущение. С пиарами в военно-политической сфере пора заканчивать, особенно если Россия действительно решила восстановить свой статус реальной военной силы в глобальном масштабе.

И еще – *суверенная демократия* для того, чтобы оставаться суверенной, должна быть привлекательной для других государств и народов, а значит, Россия должна иметь союзников. А вот с этим, как уже говорилось выше, ощущаются большие проблемы. И вряд ли это является следствием только *газовой дипломатии*, хотя надо признать, что она внесла существенный вклад в то, что к осени 2007 г. Россия оказалась в ситуации, близкой к полной внешнеполитической изоляции, во всяком случае, к западу от Уральского хребта. Да и к востоку от него ситуация не слишком благоприятна: очертания знаковой комбинации из трех пальцев все отчетливее просматриваются сквозь дорогого английского сукна брюки казахстанского президента. И односторонние действия Казахстана в сфере добычи и экспорта природного урана – всего лишь *первая ласточка*.

Ситуацию в мире последних трех-четырёх месяцев уже всюю называют периодом застоя. Это и так, и не так. Так в том смысле, что никаких прорывных событий или же, на-

оборот, ничего ужасающего за это время не произошло. Однако вряд ли мы вспомним за последние годы сходный по хронологическим параметрам период, который был бы сравним с летом и осенью 2007 г. по активности маневрирования основных участников системы международных отношений. Так что застой застою рознь. А потом, главное в застое не то, что в такой период жить просто, но противно. Главное в застое то, что он рано или поздно кончается, причем, как правило, он кончается внезапно.

Дмитрий Евстафьев

Примечания

¹ Индекс *iSi* рассчитывается по следующей формуле:

$$iSi = \sum k_{G_i} \times \text{Глоб.ф.} + \sum k_{R_i} \times \text{Регион.ф.} + \sum k_{L_i} \times \Delta_j \times \text{Лок.ф.}$$

Где

k_{G_i} – коэффициенты *взвешивания* глобальных факторов;

k_{R_i} – коэффициенты *взвешивания* региональных факторов;

k_{L_i} – коэффициенты *взвешивания* локальных факторов;

Δ_j – коэффициенты значимости региона.

Более подробно методология *iSi* раскрывается в интернет-представительстве ПИР-Центра по адресу <http://isi.pir-center.org>

² Yeats W.B. The second coming. "Things fall apart; the centre cannot hold; mere anarchy is loosed upon the world".

³ Кейган Роберт. О рае и силе. Америка и Европа в новом мировом порядке. Москва, 2004. С. 62.

⁴ Шмидт Гельмут. Перед лицом новых кризисов США несут особую ответственность и за свои действия. *Независимая Газета*. 2007, 8 октября. http://www.ng.ru/courier/2007-10-08/13_krizis.html (последнее посещение – 24 октября 2007 г.).

⁵ Совет управляющих. МАГАТЭ. Осуществление соглашения о гарантиях в связи с ДНЯО в Исламской Республике Иран. GOV/2007/48. 2007, 30 августа.

⁶ Выступление министра иностранных дел России С.В. Лаврова в МГИМО(У) по случаю начала нового учебного года 3 сентября 2007 года. – [Http://www.mid.ru](http://www.mid.ru)

⁷ Дворкин Владимир, Льюис Джордж, Подвиг Павел, Постол Теодор. ПРО яблоко раздора. *Независимое Военное Обозрение*. 2007, 28 сентября.

⁸ Тренин Дмитрий, Цыгичко Виталий. Китай для России: товарищ или господин? *Индекс Безопасности*. 2007, № 2 (82). С. 147.

⁹ Там же. С. 148.

¹⁰ National Defense Policy. China's National Defense in 2006. Renmin Ribao Online. [http://english.peopledaily.com.cn/whitepaper/defense2006/defense2006\(2\).html](http://english.peopledaily.com.cn/whitepaper/defense2006/defense2006(2).html) (последнее посещение – 24 октября 2007 г.).

¹¹ "The Military Balance, 2007". – IISS. – 2007. – P. 203, 347.

¹² Armour heavy mechanized corps.

¹³ Andrew Martin. PLA Doctrine on Securing Energy Resources of Central Asia. The Jamestown Foundation. China brief. Volume 6. Issue 11. 2006, May 24. P. 5, 6.

Международный клуб *Триалог* – традиционное место встречи крупных и перспективных политиков, дипломатов, представителей бизнес-сообщества, ученых и журналистов

Международный клуб *Триалог* – это:

- эксклюзивные информация и анализ, предоставляемые ведущими государственными и неправительственными экспертами из России и зарубежных стран;
- оперативный и профессиональный комментарий по широкому спектру фактов, позиций и мнений в области актуальных проблем международной безопасности;
- независимые, непредвзятые и сбалансированные экспертные оценки событий, происходящих в России и за рубежом.

Стремясь предоставить членам Клуба факты из *первых рук*, на заседания Клуба приглашаются ведущие зарубежные и российские эксперты, политики и представители бизнес-сообщества.

Члены Клуба обеспечиваются:

- **Подпиской** на журнал *Индекс Безопасности/Security Index*, монографиями и докладами серии «Библиотека ПИР-Центра», а также на все электронные издания ПИР-Центра, включая: *Новости ПИР-Пресс* (на русском и английском языках); информационный бюллетень *Ядерный Контроль* (на русском языке);
- **Доступом** к информационно-справочным ресурсам ПИР-Центра (база данных «Ядерная Россия», библиотека, научные архивы); к специально созданному для членов Клуба разделу в сети Интернет (www.pircenter.org/club);
- **Приглашениями** на ежеквартальные заседания Международного клуба *Триалог*;
- **Приглашениями** на все мероприятия, проводимые ПИР-Центром (семинары, конференции, презентации, пресс-конференции).

Членство в Международном клубе *Триалог* делится на индивидуальное и корпоративное. В рамках корпоративного членства действует схема «1+1», когда в работе Клуба участвуют два представителя от одной организации. Более подробную информацию о том, как войти в состав Клуба, можно найти на сайте ПИР-Центра: <http://membership.pircenter.org>

Тел.: +7-985-764-9896, +7-495-234-0525

Факс: +7-495-234-9558

e-mail: trialogue@pircenter.org